

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

БУТОВО

Андрей Посняков

Кремль 2222

Андрей Посняков

Кремль 2222. Бутово

«ACT»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Посняков А. А.

Кремль 2222. Бутово / А. А. Посняков — «АСТ»,
2017 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-104724-5

Постъядерный мир. Москва. Бутово. Под землей, недалеко от древней станции метро «Бунинская аллея», располагается секретный бункер, построенный еще до Последней войны. В те далече времена в лабораториях бункера проводились эксперименты по выращиванию супервоинов. Идеальных солдат. Людей, обладающих навыками боевых машин. После войны прошло двести лет. С течением времени обслуживающие проект ученые превратились в привилегированную касту Мудрейших, живущих за счет искусственно выведенных рабов-гомункулов с тщательно подавленными боевыми генами. Однако иногда эти гены просыпаются... Как проснулись они в некоем юноше по имени Альд, воспитанном одной из Мудрейших в качестве орудия мести. Альд вынужден бежать из бункера в наружный, верхний мир, о котором знает лишь по старинным легендам. Бежать, чтобы выжить... Но сможет ли он вернуться назад для того, чтобы отомстить – за себя, за других и за любимую девушку? Ведь постъядерная Москва полна смертельных опасностей, о которых даже не подозревали жители подземного бункера, сохранившегося со времен Последней войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104724-5

© Посняков А. А., 2017

© ACT, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Посняков

Кремль 2222. Бутово

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

© А. А. Посняков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

В предчувствии опасности сердце билось по-прежнему ровно. Так, как и должно. Все чувства обострились. Альд откинул со лба светлую челку и покрепче сжал в руке выданное в патруль копье с наконечником из легированной стали. Юноша напряженно вглядился в густые заросли генномодифицированных томатов и сои – именно оттуда донесся подозрительный шум. Словно бы кто-то пробирался, прятался… вот шевельнулся… затих…

Или – показалось? Да нет, не должно б показаться, все же он, Альд из четвертого отряда, считался среди мунов умным. Да и высокородная Навия всегда отмечала, что…

– Ты что там застрял? – оглянулся патрульный Фельн, поджарый и мускулистый, как и все работники – муны.

Альд покрутил головой – всего в патруле было пятеро, не считая находившегося в отделении старшего – Мудрейшего с автоматом Калашникова. Он-то и контролировал всех, здесь, в дальней оранжерее предпоследнего, третьего, яруса фаланстера. Все этажи уходили глубоко под землю, оранжереи же еще и расползались длинными узкими языками вдоль линий древнего метро. Старый, еще довоенный, бетон разрушался, приходилось срочно заделывать провалы. Не всегда успевали – и тогда в фаланстер вторгалась «нечисть». Так здесь называли гнусных подземных тварей. На случай их проникновения и выставлялся патруль. Пять мунов и один старший – Мудрейший. Ему и нужно было доложить, но…

Но, Альд все-таки сомневался. Еще не хватало прослыть паникером! Лучше уж сначала хорошенко все проверить, а уж потом – докладывать.

– Вон в тех кустах… Нет! Не смотри туда, Фельн. Похоже, там что-то не так… Но, с докладом спешить не нужно. Проверим?

– Да все там так! – повернувшись к зарослям, Фельн презрительно ухмыльнулся. – Вот в башке у тебя – не так. Определенно! И вот еще…

Парень не успел закончить фразу… Из сгустка переплетенных меж собой стеблей – те еще джунгли! – вдруг вылетел сверкающий диск, прошелестел, впился несчастному Фельну в шею, напрочь снеся голову!

Все произошло быстро, буквально за полсекунды, Альд не успел ничего толком сообразить. Правда, тут же отпрыгнул в сторону, обернулся – предупредить остальных… Лучше б он этого не делал! Лучше б не оборачивался.

Стремительная колченогая тварь вдруг метнулась к Альду. Длинной метра полтора, с хитиновым панцирем и мордой, похожей на морщинистую кожаную маску, содранную с лица трупа. Множество рук… или ног… Занесенная над головою дубина…

– Нечи-исть! – уклоняясь от удара, громко закричал юноша.

Закричал и тотчас же нанес удар копьем. Стальной наконечник лишь скользнул по панцирю и, похоже, не принес твари никакого ощутимого вреда. Пожалуй, только лишь разозлил, раззадорил.

Услыхав крики товарищей, Альд приосанился – ну, теперь-то чудовищу не уйти! Никуда не денется.

Вновь отбив дубину, молодой человек метнул копье, целя в омерзительную морду, прямо меж глаз, желтоватых, сверкающих огнем лютой, нечеловеческой ненависти и злобы.

Увы, тварь оказалась весьма верткой. Перехватилапущенное копье одной из средних рук… или ног, тут уж не разберешь точно, ухмыльнулась и в ту же секунду метнула оружие обратно.

Альд бросился наземь… Прямо под удар увесистого камня! Камень этот хитрое чудище держало задней ногою… или рукою… и до поры до времени прятало, держало про запас. А теперь вот – использовало, и весьма действенно!

Юноша заметил опасность слишком поздно, однако успел среагировать – откатился в сторону, к выступавшим из почвы корням… Удар вышел скользящим, и все же… Ахнула, взорвалась в мозгу желто-зеленая вспышка, мелькнула перед глазами торжествующая физиономия монстра… И – чернота. И – все…

Впрочем, нет!

Это только так казалось, что – все.

Когда Альд пришел в себя, чудовище уже добивало одного из патрульных – Горма – все той же здоровенной дубиной. Двое других парней – Хайрен и Лоск – валялись с проломленными головами, а вот Горм… он был в патруле самым младшим – всего-то пятнадцать лет, первый раз вышел и вот, на тебе – угодил-таки в пекло! Левая рука подростка висела неподвижной плетью, из правого бедра сочилась кровь.

Что же, они не успели сообщить старшему? Почему же? Почему?

Злобное чудище, оскалясь, встало на дыбы, изогнув сегментированную спину, словно жуткая сороконожка. Примерилось, перекидывая дубину из руки в руку, издевалось, явно не торопясь нанести последний удар, наслаждалось своей гибельной силой.

Трое патрульных уже лежали мертвыми! Мудрейший! Где же Мудрейший? И впрямь – не успели позвать?

* * *

– Н-на-на-на-а-а… – закрыв глаза, напевал старший патруля, высокородный Александр Гонт.

Как все Мудрейшие, небольшого росточка, коренастый, но не сказать, чтоб очень сильный. Так на что Мудрейшему сила, когда есть ум? Ум и вот – автомат Калашникова, великое изобретение древних времен!

Высокородный Александр сидел в старом брезентовом кресле, вытянув ноги и положив на колени автомат. Темные глубоко посаженные глаза его были закрыты, уши закрывали наушники, соединенные беспроводной связью с небольшим плеером, недавно приобретенным у маркитантов. Александр любил музыку, конечно – довоенную, древнюю, ибо никакой иной и не было. Да и откуда ж ей было взяться, когда более двухсот лет назад человечество практически истребило себя в ходе Последней Войны? Над всей планетою вставали завораживающие красивые ядерные грибы, гибельные для всего живого. Испепеленные ядерным пожаром города и миллионы погибших взывали к мщению – вот только мстить было некому, цивилизация скончалась, корчась в страшных судорогах войны. Уцелевшие – нашлись и такие – ушли под землю, муттировали… а кое-кто – и нет… Как вот здесь, в фаланстере…

– На-на-на-а… – закрыв глаза, высокородный Александр подпевал какой-то древней певице… Получал удовольствие, или – сибаритствовал, тут как раз уместно вспомнить это древнее слово. И ничего его сейчас больше не волновало. Да, он в патруле, но он – Мудрейший – старший, а кроме него – еще пятеро бездельников-мунов. Вот пусть и ходят, охраняют, не смыкают глаз, а в случае форс-мажора – доложат. Да уж, если что б и случилось – давно доложили бы.

– На-на-на-а…

* * *

Однако… Однако – чудовищ-то оказалось целых три штуки! И двоих парни убили! Завалили-таки ценой собственной жизни. Правда, убитые были поменьше, не такие крупные, как тот, с дубиной.

Малолетнему Горму сейчас придется несладко...

Альд вдруг почувствовал, как в голове словно бы что-то щелкнуло, включилось. Он и так-то был не последним в воинским деле – умело владел и копьем, и ножом... уж не хуже других, по крайней мере. Но вот сейчас... сейчас юноша действовал чрезвычайно быстро и практически не думая – как машина.

Все уложилось буквально в секунды.

Огляделвшись по сторонам, Альд приметил валявшееся невдалеке копье – его же оружие... И...

Раз!

Отвлекая, молодой человек метнул в монстра нож, сам сей же миг бросился к копью...

Нож воткнулся в одну из лап твари. Чудище завыло и, издав жуткий булькающий звук, мгновенно бросилось на новую жертву.

Не-ет, не полтора метра длиной... Пожалуй, все два! А когда встанет на дыбы – так и с человека ростом! Даже чуть повыше...

Два!

Схватив копье посередине древка, Альд резко отпрыгнул в сторону, пропуская мимо себя взбесившуюся разъяренную сколопендру. Пропустил и даже успел ткнуть копьем... Просто хлопнул по панцирю – еще больше раззадорить чудище, еще больше разъярить, хоть и, казалось бы, – уже некуда!

Тварь резко развернулась, вздыбилась, щетинясь когтепальми лапами, взмахнула дубиной... Альд отскочил мгновенно – просто быстро сделал два шага влево и – тут же – шаг вперед, одновременно нанося удар тупым концом копья... Монстр успел подхватить дубину, парировал натиск и снова приготовился к нападению.

Альд сделал обманный выпад влево... и тут же метнулся вправо, присел, пропуская про-свистевшую над головою дубину, и...

Три!

Наконечник копья, сработанный из легированной стали, с хлюпаньем вонзился чудищу в глаз!

Тварь заверещала, дернулась. Из пораженного глаза хлынула густая желтая кровь, больше похожая на гнойную слизь. Когтепальные лапы чудовища подкосились, и членистое сегментированное тело тяжело повалилось в томатные заросли, еще там пару раз судорожно дернулось, и затихло.

– Три секунды! Всего, – превозмогая боль, восхищенно промолвил Горм. – Дружище Альд, вот уж не думал, что ты так можешь!

– Много болтаешь, – тщательно протерев копье зеленовато-желтыми листьями сои, Альд подошел к подростку. – Как сам-то?

– Нога болит очень, – скривился мальчишка. – А руку я вообще не чувствую.

– М-да-а-а, – покачав головой, юноша вдруг услыхал за спиной шаги и резко обернулся...

– Ну, и почему вовремя не доложили? – жуя травинку, лениво осведомился Мудрейший Александр Гонт. Старший в нынешнем карауле.

– Мы... мы просто не успели, – Альд захлопал глазами – он и не знал, что сказать.

– Будете наказаны, – Александр поправил висевший на груди автомат и бросил безразличный взгляд на убитых патрульных. – Впрочем – не сильно. Я вижу, вы храбро сражались. И погибли – по собственной глупости. Надо было лишь вовремя сообщить.

– Мы кричали, высокородный! – закусив губу, Гонт с ненавистью зыркнул на Мудрейшего. – Мы кричали, но вы почему-то не слышали.

– Ах, так? – вытянутое лицо Мудрейшего побелело, хотя и так было бледным, дальше некуда. – Ты, мун, называешь меня глухим?

– Он не то хотел сказать, высокородный, – Альд поспешил вступиться за наивного мальчишку. – Он хотел…

– А ты полагаешь – я глуп? – высокородный Александр окатил юношу ледяным взглядом. – Что ж, возможно, я рассмотрю и более хеттские варианты вашего наказания. Что с остальными патрульными? Вижу, не шевелятся. Осмотреть!

Получив конкретный приказ, Альд тут же бросился его исполнять со всем возможным рвением – как и положено добросовестному «гомункулосу» – муны. Не совсем человеку – работнику, выращенному в пробирке.

– Кроме нас с Гормом все мертвы, – проверил молодой человек.

– Беги, доложи… Впрочем, нет – я сам доложу, – махнув рукой, высокородный Александр склонился над мертвым чудовищем.

– Руконоги, они же – баги, – произнес Мудрейший себе под нос. – Полуразумны, невероятно агрессивны. Умеют обращаться с примитивным оружием. Скорее всего, просто проделали в бетоне дыру… или расширили щель. Что ж, надо найти, заделать.

Руконоги… Альд что-то слышал про этих тварей и раньше – рассказывала высокородная Навия. Слышал, но вот встречаться как-то не приходилось. Вообще-то, хотелось бы узнать о рукононогах побольше – вычислить, просчитать все их слабые места. Ведь, если они один раз пробрались, то вполне могли появиться еще раз. Окружавшие оранжерею железобетонные своды частенько трескались, и тогда кто только не проникал в фаланстер. Обычно – черви, с нимиправлялись быстро. Патрульные сразу же докладывали старшему, тот давал команду – и муны выманивали тварей под автоматную очередь Мудреющего. Так и сейчас бы вышло… но, высокородный Александр почему-то не услышал крики. Как он мог не услышать? Или – плохо кричали? Да и кричали ли вообще? Да нет – кричали. Должны были доложить, муны никогда не отступали от инструкции.

Осмотрев трупы рукононгов, высокородный Александр велел Альду остаться сторожить – вдруг еще какая тварь проберется? – сам же отправился к выходу – там, на стене, висел серебристый аппарат с наборным диском, именуемый на стариинный манер – «телефон». Предназначался тот аппарат для важных докладов, и пользоваться им могли только Мудреющие. Муны – лишь в самом крайнем случае.

– Почему, почему он так? – кусая губы, шептал раненый Горм. – Да, он – высокородный. Но, разве мы, работники, не стоим хоть капли жалости? А он… А они… Да ты посмотри только, Альд! Кажется, мы очень разные – Мудреющие носят черные и голубые плащи, а мы – оранжевые робы, но ведь и мы, и они – люди? Не так?

– Ты говоришь очень опасные слова, Горм, – Альд оглянулся по сторонам. – Да, мы все люди… но Мудреющие – большие люди, чем мы. Без них мы давно погибли бы. Забыл, почему тебя учили?

– Нет, не забыл, помню… – мальчишка вздохнул и опустил веки. – И все ж, жалко. Хай-рена жалко, Лоска, Тима. Тима не так, как других – он все же был очень заносчивым. Впрочем, вот именно – был…

– Ты…

Альд хотел было сказать – «Ты очень болтлив, Горм!», но подумал, что этим своим замечанием сильно обидит парня, ведь нет большего оскорбления среди мунов, чем назвать кого-то болтуном! Работники не должны много болтать! Они и не болтали, все больше молчали да слушали мудрые указания высокородных. Правда, сам-то Альд тоже был не против поговорить – но, далеко не со всеми. Высокородная Навия не раз говорила – надо быть, как все. Все молчат – и ты молчи, все склонили головы – склони и ты, иначе… Иначе – выбраковка! Дело нужное, но страшное. Кстати, Горм…

– Ну, как же мог высокородный Александр не услышать?

— Ты все еще ноешь, мальчишка? — высокородный Александр хмыкнул, кивнув на появившегося в оранжерее Мудрейшего и носильщиков-мунов.

— Ныне здесь распоряжается высокородный Николаус. Мы же сняты с караула — для лечения и отдыха. Вы будете награждены, парни, — поглядев на Альда и Горма, Александр с такой гордостью выпятил грудь, что можно было подумать, будто это он сам только что совершил подвиг.

— Спасибо, высокородный! — искренне поблагодарил Альд. Раненый Горм же лишь пристонал, не поймешь, что. Дюжие работники уже укладывали его на носилки.

— Этих парней надо обязательно занести в список, высокородный брат мой, Николаус, — повернувшись к новому Мудрейшему, словно бы оправдывался Александр. — Хоть они все и растяпны, но все же геройски вступили в схватку… Нет, конечно же, не в «золотой» список. Хотя бы в «серебряный» или «бронзовый».

— Думаю, «бронзового» будет достаточно, — хмуро протянул высокородный Николаус.

Почти все Мудрейшие были друг на друга похожи, словно родные братья — невысокого роста, коренастые, длиннорукие, крепкие. Почти у всех — массивные челюсти и темные, глубоко посаженные, глаза. Прямо сказать, в большинстве совсем — не красавцы! Однако, вот высокородная Навия — та, да… Та — исключение… впрочем, не только она одна.

Муны под руководством Николауса, обнаружив расширенную руконогами трещину, приялись тут же ее заделывать, используя приобретенный у маркитантов цемент и старую ржавую арматуру.

* * *

Горма перевязали сразу же, как только вытащили из оранжереи на минус второй этаж, где селились муны. Жили в казармах по числу отрядов, в каждом отряде около полусотни человек, таким образом, казарм всего получалось сорок, ибо работников в общине подземного убежища-фаланстеря насчитывалось около двух тысяч особей. Мудрейших было намного меньше — сотня, жили они обособленно, на минус первом этаже, куда никого из мунов не допускали.

Поговаривали, что Мудрейшие — потомки древних ученых, выстроивших фаланстер в преддверье Последней Войны, дабы спасти хотя бы часть человечества. Кое-кто болтал даже, будто бы Мудрейшие никакие не потомки, а сами ученые и есть, просто продлили себе жизнь почти до вечности. Потому — и Мудрейшие, потому — и управляют, ибо точно знают, как всем надобно жить! Без чуткого руководства Мудрейших бы никакая жизнь здесь, под землей, была бы невозможной. Ну, в самом деле, что тогда было бы с мунарами? Чем бы они питались, как бы организовывали жизнь? Кто обеспечивал бы их теплом и светом, называемым древним словом «электричество»?

К слову сказать, это самое «электричество» частенько пропадало — и тогда гасло все освещение, переставали работать подъемники-лифты, а самое главное — приспособленные для орошения оранжерей насосы, и без того довольно-таки часто ломающиеся. Новых насосов после войны не делали, вот и приходилось чинить старые. То же самое касалось почти всех вещей, кроме оружия: копий и самострелов — «калашниковых». Мудрейшие создавали их в своих лабораториях… Правда, высокородная Навия как-то в разговоре с Альдом обмолвилась о каких-то торговцах — маркитантах…

Альд тогда удивился — какие могли быть торговцы в выжженном ядерными зарядами мире, пышущем невидимой смертью — радиацией. Радиация — это тоже было древнее слово, означавшее именно невидимую и неотвратимую смерть, причем — смерть лютую. Высокородная Навия тогда не ответила на вопрос Альда о маркитантах — быстро перевела разговор на другую тему, как раз на радиацию. Юноша вовсе не был глупцом и понял: вопрос о маркитантах — из числа тех, за которые полагается выбраковка.

Как объясняли Мудрейшие, выбраковка – это суровая необходимость. Время от времени с кем-нибудь из мунов происходили различные казусы: ни с того, ни с сего кто-то вдруг сходил с ума, делался буйным, нападал на всех, убивал... Даже Мудрейшие не сразу могли справиться с таким сумасшедшим, несмотря на все их «калашниковых»! Подобное безумие – опять же, по словам высокородных – было очень заразным и вполне могло погубить весь фаланстер, в чем никто из мунов не сомневался.

Подобных безумцев, слава Мудрейшим, в последнее время практически не наблюдалось и все это – благодаря выбраковке. Болезнь ведь легче предупредить, чем вылечить! Тем более – такую заразную. Значит, нужно просто вовремя заметить симптомы: присматриваться друг к другу и обо всем непонятном немедленно докладывать курирующему отряду Мудрейшему. Вроде бы – просто, однако дело осложнялось тем, что симптомы надвигающегося безумия были не совсем понятны. Поэтому следовало присматриваться ко всему необычному. Ну, к примеру, когда какой-нибудь гомункулус-мун начинал резко отличаться от всех других. Часто задумывался, много говорил, задавал непринятые в фаланстере вопросы... или просто вдруг становился сильнее и сообразительнее других. Как вот Альд во время недавней схватки!

– Молчи, молчи, юный друг мой! – выслушав от юноши описание боя, высокородная Навия поспешила приложить палец к губам и опасливо оглянулась по сторонам.

И чего, спрашивается, оглядывается? Альд хмыкнул, стараясь, чтобы высокородная не заметила усмешки. Сама же, кстати, и учila – таить свои чувства, не высовываться, быть, как все.

Юноша иногда все же задумывался – и что в нем нашла Мудрейшая? Почему так хорошо, по-доброму, относится, разговаривает о жизни, кое-чему учит? Чем он, работник четвертого отряда Альд, отличается от всех прочих мунов? Мун, кстати, это от слова «гомункулус, гомункул» – существо, выращенное в пробирке. Именно таким образом появился на свет Альд и все муны. Родились в подземных лабораториях Мудрейших, так, что получается, высокородные – их коллективный родитель. Или – коллективные родители?

– А как правильно?

– Слишком много себе позволяешь, мальчик! – вместо ответа женщина ударила Альда по губам. Несильно, кончиками пальцев. – Я же тебя предупреждала – не надо лишних вопросов, лишних слов. Лишнее – значит, опасное! Или хочешь подвергнуться выбраковке?

Юноша упрямо набычился:

– Если я заражусь, то – да.

– Типун тебе...

– Что?

– Так говорили древние, когда хотели кого-то оборвать. Ну, что – ты закончил подсчеты?

– О, да, Мудрейшая. Не так-то тут и много считать.

Они сидели в отдельном закутке, устроеннем в тринадцатой по номеру оранжерее специально для Мудрейших. Ровные белые стены, флюoresцентные лампы, белые стулья, стол с микроскопом, какие-то приборы, реторты из толстого стекла. Лаборатория высокородной Навии... и ее юной помощницы Эльды, ныне отправившейся проводить эксперимент в соседней теплице. Навия и Эльда занимались одной и той же премудростью, называемой – агрономия. Именно благодаря им урожаи в фаланстере были весьма обильными, так, что вполне хватало всем.

Альд пересчитывал приготовленные для скрещивания зерна. Злаковые – овес, рожь. Высокородная Навия, конечно же, могла посчитать все и сама... или поручить своей помощнице, высокородной Эльде. Могла, но не делала. Впрочем, не она одна – многие из Мудрейших не считали за большой грех препоручить какую-нибудь нудную умственную работу муналам.

Высший орган управления фаланстером – Совет Мудрейших под руководством высокородного Дорна, прямо запрещал такое. Однако, особенно строго с провинившихся не спрашивали, понимали – все самому сделать невозможно. Правда, и таких мунов – помощников – следовало брать на особый контроль.

– Две девяносто зерен пророщенного овса, и сто семьдесят пять – ржи, – доложил Альд. – Все обработанные вашим особым составом.

– Отлично! – поправив микроскоп, высокородная Навия улыбнулась...

Навия... Высокая, в отличие от большинства Мудрейших, с копной иссиня-черных волос, уложенных в затейливую прическу, и пронзительным взглядом темных глаз, больших и не по-взрослому дерзких! Утонченные черты лица, тонкий нос с аристократической горбинкой, а еще – широкие бедра, большая упругая грудь... Истинная красавица, изысканная, с огненным взглядом! Красивая и сильная, из тех, что не потерпит и слова против.

– Иди в теплицу, – благостно кивнув, приказала высокородная. – Отнесешь семена, передашь Эльде.

– Я знаю, кому передать, Мудрейшая.

Альд почтительно поклонился и, прихватив пластиковые контейнеры с семенами, вышел.

Проводив юношу взглядом, высокородная Навия закусила губу, темные глаза ее сузились... Ах, Альд, Альд, как же ты вырос, какой стал красивый, умный... Умный – в этом все было дело! Слишком умный, но, вместе с тем, – совсем еще юный дурачок, такой вот парадокс! Хотя, если подумать, так и нет никакого парадокса – у этого парнишки с самого детства имелись способности, следовало лишь их развить. Что Навия и сделала! Почему? А ни почему! Просто так захотелось. Просто этот Альд – еще совсем малыш, со своими наивными вопросами – вдруг напомнил Навии своего нерожденного сына... Эмбрион погиб, и Навию едва спасли. Зря, ох, зря она согласилась стать подопытной крысой! Хотя, высокородный Дорм особенно-то и не спрашивал согласия «самок». Да, да так он и выражался, гнусное, надменное отребье, все женщины были для него самками – и не более того!

Эксперимент, да. Еще бы! Деваться-то некуда. За 200 лет близкородственных связей среди Мудрейших стали рождаться уроды – что естественно. Вот и решили попробовать скреститься с рабами, пытаясь с помощью генной инженерии смешать – «освежить» кровь, – да ничего не вышло. Потомство оказалось нежизнеспособным еще в утробе.

Все же Мудрейшие улучшили свою породу в результате генных экспериментов, продлили жизнь до 200 лет, сделав эликсир молодости из вытяжек биоматериала – спинного мозга мунов и всего такого прочего. Вот только с размножением не повезло – детей по-прежнему выращивали в пробирках из биоматериала... детей мунов, обо зачем Мудрейшим – дети? Лишние конкуренты на блага, высокородные ведь собирались жить... если не вечно, то очень и очень долго! Так, по сути, к тому и шло.

Ах, Дорм! Проклятый Дорм!

Прошептав гнусное древнее ругательство, высокородная Навия несколько успокоилась и вновь отдалась делам, стараясь заглушить кипящую в ней ненависть.

* * *

– Ага, Альд! Пришел, наконец. Наконец-то высокородная Навия тебя прислала. А я тут сижу, жду...

– Здравствуй, высокородная Эльда! Я принес злаки.

Сидевшая за узким дощатым столом девушка в белом халате, наброшенном поверх голубой робы, с улыбкой приветствовала вошедшего в теплицу парня. Приветствовала вполне искреннее, хотя и не должна была – Альд, все-таки – мун, а она – высокородная. Правда, не совсем – Навия как-то обмолвилась, что Эльда – полукровка, гибрид, единственный остав-

шийся в живых «продукт», результат эксперимента смешения крови «Мудрейших» и «мунов». Ее мать была из мунов – вынашивала генный материал в специальной лаборатории и умерла при родах. Эльду воспитывали Мудрейшие – как свою. Отца у девчонки не было, для зачатия просто взяли мужской биоматериал. Так вот и получилась худенькая красавица-блондинка с большими ярко-голубыми глазами. Между прочим – агроном-биолог!

Тайну происхождения Эльды и мунов знал только Альд, и то, высокородная Навия уже не раз пожалела о своих словах, строго-настрого приказав парню держать рот на замке. Альд и держал – а про Эльду с кем болтать-то? Никого из мунов девчонка-полукровка особенно-то не интересовала, у выращенных в пробирке гомункулусов хватало своих простых забот и незатейливых радостей.

Честно сказать, и Альд воспринимал девушку, как одну из Мудрейших – с почтением, но в достаточной степени равнодушно.

Воспринимал. Но, вот сейчас...

Записав номера принесенных контейнеров в специальную учетную книгу, Эльда неожиданно потянулась, так, что из-под курточки показался пупок. Затем тряхнула головой – пышные густо-золотистые волосы разлетелись по плечам древним ядерным взрывом, и тот же взрыв отразился вдруг в небесной лазури глаз!

Альд вдруг застыл, словно бы опаленный этим взрывом, застыл в замешательстве, закусив губу, словно бы первый раз увидел эти волосы, эти глаза под густой сенью ресниц, эти пухлые губки...

Какая же она красивая!!!

Эта простая мысль стрелой поразила сердце! Или, нет, не так... Как может мысль поразить стрелой? Скорей – дубиной по голове... Как то чудовище, рукооног. Но – то было чудовище, а эта – красавица! И как же это он, Альд, раньше-то ничего такого не замечал? Ведь приходил сюда почти каждый день, что-то приносил, говорил, мямялил... Не замечал. Но, почему вот теперь – заметил? Что такое случилось с ним, что произошло? И... где раньше-то глаза были?

Юноша густо покраснел – как бы то ни было, а Эльда все же принадлежала к касте Мудрейших, и каждый мун обязан был им подчиняться. Мудрейшая... Эта вот худенькая красивая девчонка, на вид даже моложе самого Альда, которому не так уж и давно исполнилось восемнадцать.

– Ты что такой красный? Устал? Э-эй! Ну, отвечай же.

– Да нет, не устал, вы... высокородная.

Альд дернул шеей и потупил взор, опустив голову. Почему-то не хотелось ему в этот момент смотреть этой девчонке в глаза. Почему? Наверное, это было просто стеснение, уж точно – не страх.

– Возьми лестницу, – записав номера контейнеров, приказала Мудрейшая. – Идем.

Все нынче происходило, как и всегда. Работник-мун принес контейнеры, а сейчас вот, по приказу высокородной, потащит металлическую лестницу в дальний конец теплицы – снимать показания приборов. То есть, снимать-то будет Эльда, Альд только лестницу принесет да поддержит. Все правильно, тупым гомункулусам тонкую работу не доверяли, никто их не учил разбираться в приборах, во всех этих зеленых цифирках, стрелочках и прочем.

Небольшая будка с аппаратурой, установленная на железном столбе, возвышалась над картофельными грядками метра на три. Кроме картофеля, в теплице еще росли кусты красной и черной смородины, сливы и несколько яблонь с наливавшимися соком плодами. Яблочки были так себе – твердые и кислые, – но компот выходил вкусный.

Как раз сейчас смородину и яблоки собирали юные муны, всего с десяток подростков. Гомункулусы детского возраста встречались в казармах не так уж и редко. Поддерживая опти-

мальную численность контингента, Мудрейшие выращивали их на замену убитым и раненым, а также и тем, кто подвергнулся выбраковке. Стариков, кстати, среди работников не имелось вовсе, так же были редки и женщины. Альд, конечно, подозревал, куда девались состарившиеся муны – их тоже выбраковывали, только не торжественно, на глазах у всех, а тайно. Во всем этом не было ничего аморального – закончившие свой жизненный цикл работники уступали место другим.

– Так, подержи…

Сбросив белый халат (чтоб не мешался), высокородная Эльда ловко полезла по лестнице вверх, к приборам… И вдруг на полути запнулась – оторвалась проржавевшая ступенька, и девушка, несомненно, полетела бы наземь… Кабы вовремя не подсуетился Альд!

Бросив лестницу, юноша проворно подхватил Эльду, прижал к себе… и почувствовал вдруг что-то такое, что никогда еще не ощущал. Ему показалось приятным держать в объятиях эту изумительно красивую худенькую девчонку, смотреть в глаза, чувствовать тепло ее тела… и некоторую беспомощность, хрупкость… Альд просто не знал, как выразить словами то, что он сейчас ощущал.

Эльда обняла парня за шею… и неожиданно тоже покраснела… пушистые ресницы ее дернулись, впрочем, Мудрейшая быстро пришла в себя.

– С-спасибо… Альд. Ну, опусти же меня, живо! Вот так… Чертова лестница!

Черт – это было древнее ругательство, означавшее что-то вроде той нечисти – стальных сколопендр, червей, руконоғов и прочих, – что время от времени проникала в фаланстер, жадно клацая зубами.

– Больно… – закатав рукав, девушка подула на локоть. – Синяк теперь будет, ага.

– Надо подорожник приложить! – тут же спохватился Альд. – Это трава такая, ну, в виде листа. В пятой теплице растет… Я сейчас метнусь, сбегаю!

– Стой! – Мудрейшая помахала перед лицом юноши пальцем. – Не надо никуда бежать. Знаю я, где подорожник растет, я ж все ж биолог, агроном – забыл?

– Не забыл, высокородная Эльда. Просто подумал…

– Ты слишком много думаешь, мун! И слишком много говоришь.

– Прошу простить, – сделав два шага назад, юноша почтительно поклонился, приложив руку к сердцу.

– Вот так-то лучше…

Эльда подошла к лестнице и вздохнула – лезть-то все равно нужно было, а рука-то болела, да и лестница эта казалась теперь какой-то уж очень ненадежной. Другой, увы, в этой теплице не имелось – среди Мудрейших было мало тех, кто мог хоть что-то делать руками, а мунов, кроме сельскохозяйственного труда, никаким иным навыкам не учили, не считали нужным. Да и чревато это было – мунов учить! Узнают в Совете – пропесочат так, что мало не покажется! Пропесочат – тоже довоенное слово, означало…

– Может быть, я помогу, Мудрейшая? – неожиданно предложил Альд. – Слазаю и… и запишу все цифры в твой блокнотик.

– Запишешь? – девушка удивленно моргнула. Она, конечно, замечала, как относилась к этому парню ее начальница – высокородная Навия… Но, чтобы научить муна читать… это надо быть очень смелой, безрассудной даже.

– Нет, я не умею читать, – поспешно (пожалуй, даже слишком поспешно!) откrestился Альд. – Просто я смогу скопировать цифры. В этом ведь нет ничего сложного, верно? А тебе, высокородная, вовсе не стоит лезть на эту лестницу… Вообще, если б найти кусок проволоки, то я, верно, смог бы ее починить.

– Кусок проволоки! – с усмешкой передразнила Эльда. – Чтоб я опять навернулась, да? Нет уж, нужно сварщика звать. А сейчас – делать нечего…

– Ну, давай же я слазаю, высокородная! – молодой человек повысил голос. – Никто не увидит, не бойся. А и увидят – так что такого? Подумаешь, Мудрейшая послала вместо себя работника. Эко дело!

Уговорил, красноречивый! Эльда все же сдалась, махнула рукой.

– И впрямь – что такого? Ну, лезь тогда, что стоишь? Нет, стой… Вот тебе блокнотик и карандаш…

Карандашник был особый – «химический», – из самой седой древности, целый ящик таких завалялся на четвертом уровне, на подземных складах. Ловко забравшись вверх, Альд открыл створки приборного ящика, и, послюнивши кончик карандаша – чтобы писал, как чернилами! – открыл блокнот…

Открыл и едва не ахнул! Ничего себе! С небольшого, в мелкую клетку, листочка, на него смотрела… высокородная Навия! Как живая – ну, точно, ее лицо, даже прищур глаз передан – этакий, насмешливо-язвительный, – и поворот головы, и взгляд исподлобья, и…

– Ты что там застрял-то? Непонятно чего? Так спроси.

– Нет, нет… я все уже…

Юноша еще успел углядеть несколько набросков. Вот – работники собирают яблоки, вот – какое-то собрище Мудрейших, а вот – знакомое чудище, рукононг!

– Здорово! – спустившись, наивно восхитился Альд. – Это ты… ты сама все нарисовала?

– Не твое дело, мун! – голубые очи девушки метнули молнии. – Выполнил работу – ступай… Нет, стой! Тебе, правда, понравилось?

– Высокородная Навия – как живая! – честно признался молодой человек. – Остальное я и не рассмотрел толком…

Эльда неожиданно улыбнулась, как-то робко, стеснительно даже – и это было очень неподхоже на Мудрейших.

– Ну… посмотри… – подумав, девушка протянула блокнот. – Подойди поближе, не съем…

Ах, какое это было наслаждение – стоять рядом с Эльдой, едва не прижимаясь! Чувствовать тепло ее шелковистых волос, легкое дыхание… еще бы за руку взять! Иль хотя бы прикоснуться… вот так…

– Это вот – работа… ну, ты сам видишь… Это… это тебе не надо… Это вот – чудовище, вчерашний монстр… Э-эй! Ты что опять такой красный? Тебе не хорошо?

– Очень хорошо, – шепотом вымолвил Альд. – И ты, высокородная Эльда такая… такая… красивая, что… Потому я, верно, и красный.

Девушка хотела было возмутиться, но… Никто и никогда еще не хвалил ее, не говорил о ее красоте и таланте… Только этот вот мун – по сути, никто. Бесправный раб, рожденный в колбе придаток теплицы. Впрочем, хоть кто-то заметил… и, кажется, искренне.

– Можно, завтра я снова помогу тебе? – все так же тихо спросил юноша. Горячая ладонь его словно бы случайно, невзначай, коснулась локтя Эльды… и девушке это было приятно.

– Ну… помоги.

– А у тебя… Можно мне спросить?

– Спрашивай.

– У тебя еще рисунки есть?

– Я… я принесу. Завтра. Посмотришь. А теперь – иди.

– До завтра, высокородная Эльда.

– До свидания… Альд.

Альд был сам не свой и в оранжерее, и потом, в казарме. Сразу после ужина улегся на койку и смотрел в потолок, представляя себе златовласую красавицу Эльду. Ее волосы, густые

ресницы, пронзительно голубые глаза, припухлые губы, тронутые легкой улыбкой. И стройную фигурку, которую вдруг так захотелось обнять, прижать к себе...

– Эй, Альд! В домино будешь? Да ты там уснул, что ли? Хм... похоже, уснул.

Уснул? Ну, да, уснешь тут! От нахлынувших вдруг чувств юношу бросало то в жар, то в холод. Ощущения было незнакомые, но приятные и такие волнующие, что хотелось грызть одеяло... ну, или вскочить да куда-нибудь побежать. Хотелось – да нельзя было, вечером мунам запрещалось шататься по главной улице – Эспланаде Два. Еще имелась Эспланада Один – на первом уровне, где жили Мудрейшие, куда мунам без особого пропуска вход был закрыт.

Эльда... Точеная фигурка... Золотые волосы... голубые очи в цвет древнего довоенного неба, которое, увы, уже больше не увидеть никому и никогда. А губы, губы... белые ровные зубки... и ямочки на щеках, и улыбка... такая, такая, такая...

Альд не знал, что с ним. Но, догадывался – из-за чего. Он даже пытался рассуждать логически, хоть что-то, хоть как-то объяснить себе. Ведь он знал Эльду и раньше, но – еще совсем недавно – не испытывал к ней никаких чувств. Ну, молодая девушка – и что с того? Непохожа на остальных Мудрейших... опять же, какое ему, муна, дело? Ведь видел же ее, работал рядом, что-то приносил, уносил... И не замечал тогда ничего! Ни этих голубых глазах, ни золота волос, ни... Вот дурак-то был! Словно слепой. Ныне, однако ж, прозрел, получается? Да, выходит, так. И случилось это после недавней схватки. После того, как получил удар камнем по голове... и ловко справился с монстром! Не слишком ли ловко? Высокородная Навия строго-настрого предупреждала никогда и никому не показывать никаких своих способностей. Скрывать все!

Вот Альд и скрывал. Его победную схватку с руконогом видел лишь малыш Горм... если Мудрейшие расспросят его... Хотя, а почему они должны расспрашивать кого-то об Альде?

Значит, так... Высокородная Навия учила его, Альда, многому... непонятно, правда, почему, но учila. И предупреждала, как надо себя вести. Юноша чувствовал, что отличается от других мунов. Благодаря Навии он знал больше других, был куда сообразительнее, умелее... И вот тут еще этот удар! И победа в бою, и... и Эльда. Навия и удар – одно наложилось на другое. Выходит – так.

Альд так и не уснул в эту ночь – все ворочался, думал... и мысленно представлял себе Эльду. Словно они лежат в оранжерее на свежей травке, смотрят друг другу в глаза и...

Те же самые чувства охватили и юную высокородную Эльду. Вернувшись в свой модуль на минус первом ярусе, девушка поспешно приняла душ, словно стараясь смыть с себя эти незнакомые и, наверняка, опасные ощущения. Опасные – для нее и, уж тем паче, для этого молодого муна.

Альд... как он смотрел на нее! Какими глазами! Да, он хороший парень – мускулистый, поджарый, красивый... а глаза... глаза у него – синие-синие, пронзительные и... такие добрые, что ли... Как он смотрел, как покраснел до корней волос, до самых до самых кончиков. Отчего так? Что могло вдруг смутить обычного работника-муна?

Как он подхватил ее с лестницы, такой сильный, добрый... как держал на руках... как восхищался рисунками, а потом... потом назвал ее, Эльду, красивой!

Красивой...

Вскочив с ложа, девушка включила ночник и побежала к зеркалу. Сорвала, бросила на пол ночную рубашку, встала нагою, осматривая себя... А ведь и пожалуй – красива! По крайней мере, не дурна, это точно. Красивая... Надо же! И этот мун, Альд – заметил, сказал. Единственный, кто сказал... кто заметил... Так? Ах, если б он не был муном!

Вздохнув, Эльда покачала головой. Ну, и не был бы. И что дальше? Насколько она знала, Мудрейшие выращивали себе смену в пробирках. Насколько это было им нужно. Не особо-то и нужно, откровенно сказать. Продлить себе жизнь – это куда нужнее. Потому и молодых среди высокородных почти не было, всем лет по двести – даже Навии, хоть и выглядит та максимум

на тридцать пять – сорок. Мудрейшие – не из пробирки, как муны. Она тоже – не из пробирки. А вот Альд…

И все же – как он на нее смотрел! Похоже, этот парень не такой, как все муны… гораздо сообразительнее… ох, как он пришел в замешательство, застеснялся! Смешно. И мило. Похвалил рисунки… Надо будет обязательно ему показать еще несколько картинок… и даже – альбом! Настоящий старинный альбом про живопись! Именно альбом, не справочник, не руководство по агрономии. Эльда как-то увидела его в библиотеке, когда искала способы борьбы с проволочником. Старый, большой, на отличной мелованной бумаге, но, увы, без обложки. Обложку, видать, прибрали к рукам механики, использовали в каком-нибудь двигателе для прокладки. А что? Хороший толстый картон.

Картины… репродукции старинных картин – Эльда была просто очарована ими! И сама стала рисовать, сначала – постепенно, подражая древним мастерам, потом все больше и больше. В библиотеку альбом она так и не вернула, да никто и не спрашивал. Вот бы показать его Альду! Почему бы и нет.

Вспомнив синие глаза юноши, юная красавица вдруг покраснела и, отвернувшись от зеркала, снова побежала под душ… Увы, охладиться не удалось – в кране что-то захрюкало и тоненькая струйка воды резко иссякла.

– Черт! – выбирайся из ванны, выругалась девушка.

Накинув на плечи курточку, подошла к висевшему на стене телефонному аппарату, покрутила диск…

– Примите заказ, высокородная. В модуле семьдесят семь нет воды… Да-да, семьдесят седьмой модуль. Записали? Спасибо.

Механики обычно являлись в течение недели, но в этот раз не прошло и десяти минут, как в дверь постучали.

– Это вы тут без воды?

– Сейчас!

Эльда поспешно натянула штаны и, пригладив волосы рукой, открыла:

– Механик Гринг? Как вы нынче быстро!

– Так и знал, что это у тебя! – высокородный Гринг – лысоватый, с наглой ухмылкой, мужчина на вид лет сорока (хотя, конечно же – намного, намного больше), войдя в ванную, загремел ключами.

– У нас-то на базе, высокородная, все нормально. Это у тебя тут что-то… ага! Обратка проржавела. Хорошо, вовремя вызвала – не то затопила бы… Иди-ка, подержи ключ… ага…

Эльда присела рядом с согнувшимся над ванной механиком… тот вдруг резко обернулся и, сверкнув глазами, схватил девчонку за плечи:

– А ты подросла, Эльда. Экая стала красотка… А ну-ка, покажи грудь…

Девушка даже отпрянуть не успела, как механик распахнул ее куртку и ухватился рукой за грудь…

– Вы… вы что делаете? Это же…

– Хочешь сказать, секс у нас под запретом? – рыгнув, расхохотался высокородный Гринг. – Далеко не для всех, милая. Далеко не для всех! Да, большинству из наших старых маразматиков секс уже не нужен, но, некоторым… Вот, например – мне… или тебе… Ну, давай, раздевайся же, что стоишь?

Холодные руки механика гладили юное девичье тело, похотливая ухмылка играла на тонких губах…

– Ну… ты же выросла уже… Ты же хочешь, хочешь… увидишь, как это здорово… тебе понравится, ага…

– Пусти!

– Ну, не будь дурой!

– Я сказала...

Схватив валявшийся рядом разводной ключ, девушка ударила Гринга по плечу. Тот скрипился, отскочил... Однако же, улыбнулся:

– Ну, все, все. Не пристаю больше. Вижу, не готова ты еще... дурочка. Да не дрожи ты, я ж все-таки не насильник какой! Не хочешь сейчас – не надо.

– Я... я... – Эльду бил озноб.

– Успокойся, красотка! Кстати, кран тебе я починил, можешь мыться. Ну... ключ-то верни, а? Ухожу! Сказал же! Но, ты над моим предложением все же подумай. Тебе будет хорошо, обещаю... Прощай, высокородная. Да! – механик вдруг задержался в дверях. – Ежели вдруг решишься пожаловаться на меня в Совет – милости просим. Не думаю, что будут последствия, нас, механиков, мало совсем. Ну, не дрожи уже! Тыфу... тоже еще цаца! Ты и целоваться-то, верно, не умеешь... Прощай!

– Кто целоваться не умеет? Я?! Черт ты сивый, вот кто!

Эту фразу Эльда бросила запоздало – механик уже ушел. Действительно, не стал навязываться. Может быть, все же опасался Совета, а, может – решил, что Эльда и так никуда не денется, и рано или поздно он все же добьется своего.

– Черт!

Девушка постепенно успокоилась, и ей вдруг стало обидно. Целоваться она, и впрямь, не умела. Некому было учить. Так ведь и впрямь, как научиться-то? Разве что по древним книгам. В библиотеку завтра сходить, может, и завалюсь что? Порыться на полках, и...

Улегшись на ложе, Эльда вдруг представила вместо наглого механика – Альда. Как он расстегивает на ней куртку, как ласково гладит, как трогает грудь, как... Охватившее вдруг все тело томление перешло в жар! Девушка скрючилась, закусила губу и вдруг заплакала. Ей почему-то стало вдруг нестерпимо стыдно... Почему?

* * *

С утра группу мунов из казармы Альда вместо теплицы отправили на пятый склад – таскать арматуру. Дело это было нелегкое, трудоемкое – загрузить тяжелые штыри в носилки, притащить к лифту. У лифта уже ждали другие муны – затаскивали, поднимали, перегружали. Работали, не покладая рук, и Альду еще повезло, что в напарниках у него оказался дюжий и нелюдимый парень по имени Волг. Да, туповат, неразговорчив – зато силен и трудолюбив. Образцовый мун, чего уж!

Альд, кстати, вовсе не уступал напарнику ни выносливостью, ни силой. Они вдвоем до обеда сделали двадцать две ходки туда-обратно. Раза в полтора больше, чем все остальные работники.

– Молодцы, – скupo похвалил высокородный Владимир, организовывающий здесь всю работу. – В старые времена б вам героя труда дали. А нынче... Нынче могу сказать одно: ежели всегда будете так работать, удостоитесь «бронзовой» книги!

Услыхав такое, Волг приосанился и довольно засопел. «Бронзовая» книга славы! Пусть не «золотая», не «серебряная» даже, но – тем не менее! Это ж нешуточный почет, зависть всех остальных, и да – слава! Альд, кстати, имел уже совсем недавнюю запись в «бронзовой» книге – за тот самый бой. Сам высокородный Александр этого добился, убедил всех в Совете Мудрейших, и лично пожал руку Альду! Правда, вот малолетний Горм... он ведь тоже заслуживал почета... записали ли его? На оглашении государственного приказа парнишки, кстати, не было. Так верно, потому, что ранен. Нет, не должны бы его забыть, не должны. По крайней мере, так казалось Альду. Как и все муны, он всегда знал, что жизнь в фаланстере устроена в высшей степени справедливо и правильно. Есть те, кто работает, и те, кто управляет, кто

организует жизнь, заботится, чтоб у каждого муна каждый день была пища и кровь. Если б не Мудрейшие... наверное, все муны давно бы вымерли.

Со звоном сгрузив очередную партию арматуры, Альд и его нелюдимый напарник присели возле лифта на kortochki – немного перевести дух. Высокородный Владимир их не подгонял – работали напарнички куда лучше многих! Говоря стариным словом – передовики, иначе не скажешь.

До обеда оставалось не так уж и много, наверное, час или с полчаса. Альд уже начинал чувствовать, как засосало под ложечкой, да и Волг вдруг неожиданно облизнулся:

– Интересно, сегодня картошка или брюква будет?

– Скорей, брюква, – подумав, отозвался Альд. – Картошка всегда на вечер. Тушеная, с горохом, ух...

– Да, с горохом – вкусно, – Волг слегка слюну и довольно прищурился: все же «передовикам» была положена дополнительная порция, а по воскресеньям, в короткий день, еще дополнительная кружка компота. А что? Почему бы и нет? Заслужили!

Чуть отдохнув, напарники поднялись на ноги, намереваясь успеть до обеда сделать еще пару ходок. Они уже взяли носилки, повернулись, чувствуя одобрительный взгляд начальника... как вдруг где-то под потолком резко завыла сирена. Обед!

– Что-то рано сегодня, – погладив лысеющую голову, высокородный Владимир потянулся к висевшему на стене лифтовой шахты аппарату связи. Потянулся, но трубку так и не снял. Подумал да махнул рукой:

– А пойдем! Там разберемся. А ну, давай к лифту, парни.

Высадившись на своем – минус втором – уровне, Альд и прочие муны удивленно застыли. Широкая, метров двадцать, Вторая Эспланада была забита людьми в оранжевых робах, однако вовсе не это удивило и насторожило юношу. Оранжевое людское море было разбавлено голубыми плащиками Мудрейших. По всем прикидкам, на Эспланаде уже находилось с полсотни высокородных, почти половина из всех имевшихся! Альд узнал Председателя Совета Мудрейших Дорма. Крепко сбитый, сильный, с квадратным лицом и серебристым ежиком коротко стриженных волос, он олицетворял собой настоящего лидера: бескомпромиссного, волевого, жестокого. Именно такой и мог выжить в постъядерном мире. И не только выжить сам, но и дать возможность жить другим.

Средь почтительно расступившихся мунов прошелестел шепоток:

– Высокородный Дорм! Сам Дорм здесь! Председатель... Да, это он! Видите?

Высокородный Дорм шагал впереди, не очень медленно, но и не быстро. Шествовал степенно, как и полагается уважаемому всеми вождю. Шагал с полным сознанием собственного достоинства и немаленькой власти. Он напоминал ледокол, а собравшаяся позади и рядом толпа – утлыя лодочки, суденышки, несомненно, затертые бы безжалостным льдом, если б не помочь и покровительство лидера!

Дорм шел к площади, или просто – на Круг, так называли большую свободную площадку ровно посередине Эспланады Два, тянувшейся под землей на два с половиной километра. Да, именно таким и был некогда выстроенный Мудрейшими бункер! Два с половиной километра в длину, километр – в ширину, и все четыре яруса – под землею. Построено мощно, непоколебимо. На века! Даже ядерные взрывы во время Последней Войны особого вреда убежищу не причинили.

Обычно Круг пустовал, люди собирались там лишь во времена редких праздников, к примеру – в день Урожая, либо вот так, как сейчас... Ну да! О причине сборища уже можно было догадаться.

Ровно посередине площади виднелся круглый помост, установленный явно недавно, да что там говорить – только что. Высотой метра полтора, блестящие никелированные перила, узкая лесенка и в самом центре помоста – нечто, напоминающее высокий турник со сверкающей перекладиной. С высокого (метров десять) потолка, выкрашенного в небесно-голубой цвет, к турнику спускались два провода, а на перекладине уже висела чья-то тоненькая фигурка. Словно бы кто-то собрался подтянуться, да вот не смог, и застыл, брезвально повиснув. Кисти рук несчастного были прикручены к перекладине проволокой, ноги болтались свободно… впрочем, нет, не болтались. Просто недвижно висели. Как и упавшая на грудь голова.

Альд присмотрелся и вздрогнул, узнав в привязанном юного Горма! Того самого мальчишку, раненного в схватке с чудовищами. Но, за что же его… за что? Он же герой… или… Наверное, если кому об этом и знать, то только высокородному Дорму. Он как раз поднялся на помост, и, оглядев собравшихся, поднял руку…

Толпа притихла, угас даже едва слышный шепот. Мертвая тишина установилась на площади, тишина и спокойствие, как в давние времена бывало на морях, в центре урагана. И таким центром был сейчас высокородный Дорм, Председатель Совета Мудрейших.

Глава 2

– Наш славный юноша Горм, увы, подвергся воздействию страшной болезни, – окинув взглядом толпу, негромко начал высокородный Дорм. – Мы сделали все, чтобы спасти его... увы... и Мудрейшие иногда не всесильны.

Здесь Дорн помолчал, выдерживая драматическую паузу, а затем, повысив голос, продолжил:

– Это наше общее горе... Но, вместе с тем – и праздник. Праздник жизни! И мы, проща-
ясь сегодня с Гормом, славим высокородного Александра, подарившего всем нам жизнь! Да, да
– если б не его бдительность, Горм заразил бы всех... А потому – восславим же высокородного
Александра! Прошу, высокородный... поднимись сюда...

Пораженному до глубины души Альду, конечно же, было очень жаль Горма. Однако, когда Александр поднялся на помост, юноша едва подавил смех: настолько нелепо выгля-
дела сейчас эта пара Мудрейших. Высокий широкоплечий Дорн и приземистый коротышка
Александр, выглядевший, как дурная копия Председателя Совета Мудрейших. Причем лица
у обоих похожи – квадратные челюсти, темные, глубоко посаженные глаза, зыркающие из-под
нависших бровей, словно бы высматривая измену.

– Говори, высокородный Александр, – сделав полшага в сторону, Дорм махнул рукой.

Александр откашлялся. В отличие от того же Дорма, произносить торжественных речей он явно не умел, и большей частью мямлил, откровенно не зная, что сказать...

– Ну... это был славный парень, да... мmm, но он заразился... мmm, едва не убил мно-
гих... он опасен, да...

Несчастный парнишка висел на перекладине неподвижно, даже не дергался. Наверное, ему сделали укол или дали какую-нибудь таблетку. Хотя... вряд ли – лекарства стоили дорого, и Мудрейшие не стали б их тратить просто так... на какого-то муна.

Ах, Горм, Горм... И не пожил еще совсем. Надо же – такая беда с им приключилась... А, может быть, во всем виноват его язык? Слишком уж несдержанно юный Горм разговари-
вал с высокородным Александром. Да что там несдержанно! Прямо обвинил высокородного в гибели своих товарищей. Дурак – как сказала бы высокородная Навия. Впрочем, никто и не учил Горма держать все свои мысли при себе.

Подумав так, Альд вздрогнул: раньше он бы не осмелился и подумать о том, что хоть кто-то из Мудрейших может быть хоть в чем-то виноват! Такого и быть не могло! Но... ведь было. Альд и сам видел... Хотя, нет, не видел – какое-то время был без сознания.

Между тем, высокородный Александр закончил свою речь, вызвав реденькие хлопки у тех, кто стоял рядом с помостом. Что-то сказал и Председатель Совета – и на этот раз аплодисменты оказались куда гуще.

Спустившись с помоста, высокородный Дорм посмотрел в небо, точнее – в потолок. Свет флюоресцентных ламп, спрятанных в нишах, стал заметно тусклее, как, если бы наступала ночь или сумерки. Искусственное освещение фаланстера моделировало дни и ночи довоенного мира.

Грозная полутима нависла над площадью, толпа замолкла, выжидательно глядя на помост. Альд облизал губы... Ну, вот и все. Скорей бы... лишь бы не мучился Горм...

По тянущемуся с потолка проводу пробежала искра... Висевший на перекладине под-
росток задергался, закричал от жуткой невыносимой боли. Многие из мунов закрыли уши
руками. Повалил черный дым, запахло жареным мясом... Горм еще раз дернулся и затих дымя-
щейся обгорелой тушей...

– Прощай, славный юноша, – высокородный Дорм снова поднялся на помост и, скривив-
шись, приказал всем расходиться.

– Наши обычные дела ждут нас, мои дорогие. Никто их за нас не сделает. Скорбь скорбью, а жизнь – жизнью.

Все правильно сказал. Все так. Но...

В отличие от многих, Альду и раньше-то не очень нравилось смотреть выбраковку. Вся эта затаившаяся в ожидании толпа, пафосные речи... И смерть. Жуткая, лютая. Дым. Запах паленой человечины. Судороги, запредельно жуткий крик – и смерть. Жаль! Жаль Горма. Наверное, он вовсе и не был заразен. Не болтал бы лишнего – остался бы жив. Ведь, если разобраться, Горм – герой. А высокородный Александр – сука.

Уходя вместе со всеми с площади, Альд опасливо оглянулся, словно бы беспокоился – не подслушал ли кто-нибудь его мысли? Он и сам их испугался – надо же, обозвать Мудрейшего древним ругательным словом! Раньше таких мыслей не было. Нынче же, кроме нехороших мыслей, в душе юноши вдруг проснулось нечто! Нечто такое, что он еще и сам до конца не осознавал. Было похоже, что кто-то думал за него, или, скорее, что-то шло изнутри, из каких-то неведомых закоулков мозга.

Альд вдруг захотел всех их убить! Всех Мудрейших. Особенно – этих двух. Высокородного Александра и высокородного Дорма. Низкорослому хлюпiku Александру можно было просто свернуть шею. Подойти, прямо вот сейчас, сзади – одно быстрое движение и... Секунда! С Дормом, конечно, пришлось бы провозиться чуть дольше. Но, не намного. Если действовать быстро, решительно, умело. Тоже подойти, ударить локтем в кадык и – сразу же – ладонью по скуле и шее. Просто широко раскрытой ладонью – даже не ребром. Снаружи на скуле и шее не останется ничего, ни синяка, ни даже покраснения. А вот внутри, под сводом черепа... Кровоизлияние в мозг – и гибель.

Черт! Черт! Черт!

Юноша резко остановился и с силой замотал головой, отгоняя неведомо откуда взявшиеся мысли. Ему вдруг стало страшно: а если это и есть – болезнь? Желание всех убить – главный симптом. Это не Горма надо было подвергнуть выбраковке, а его, Альда! Причем – срочно. Нет, ну, надо же, какие мысли... Надо же, какие... Черт! Черт! Черт!

* * *

– Что с тобой? Ты что такой бледный? Не выспался?

Высокородная Навия казалась участливой и напряженной. Кажется, она искренне хотела помочь. Ну, конечно, искренне... не зря же она научила юношу многому. Даже читать и писать! Да-да, Альд знал грамоту... правда, помня советы наставницы, не показывал этого никому. Даже Эльде. Эльда...

– Ну, поделись же своими мыслями, мальчик, – взяв парня за плечи, Мудрейшая заглянула ему в глаза. – Расскажи все, что чувствуешь. Поверь, будет легче. Тем более – ты можешь рассказывать мне все.

– Я знаю, высокородная, – тихо промолвил Альд.

– Ну, так скажи!

– Сегодня, на выбраковке, я вдруг захотел убивать...

– Ничего удивительного – это все нервы. Ну, продолжай, продолжай.

– И не просто захотел, а точно знал – как это сделать. Как убить вы... некоторых. Убить, и уйти. Смешаться с толпой, затеряться... С Круга я бы ушел. Но, верно, потом меня бы отыскали.

– Ах...

Навия затаила дыхание, боясь спугнуть удачу. Вот оно! Вот то, ради чего она пестовала этого красивого мальчишку-муна. Заложенная в гены гомункулов программа восстанавливалаась! Навыки боевой машины – убить, уйти... и снова убить, если надо. Ну, что же, высоко-

родный Дорм! Недолго тебе осталось. Этот славный мальчик мог убить тебя уже сейчас, на церемонии выбраковки. Эх, удобный же был момент... Ничего! Ничего! Еще моменты будут.

Женщина закрыла глаза, здравомыслящая вспоминая все то, что хотела бы забыть... но так и не могла. Белые лабораторные стены. Стойка медицинских приборов. Сверкающий хирургический набор – скальпели, ножички, крючочки, еще какая-то хрень... Она, привязанная к столу для разделки трупов. Сталь холодит спину, но Навия не чувствует холода. Лишь боль, одна только боль... И гнусная усмешка Дорма!

- Скальпель... Так... Переверните ее... Держите. Делаем вытяжку из позвоночника...
- Боль! Острая жгучая боль!
- Хорошо. Теперь извлекайте плод...
- Но...
- Вытаскивайте! Думаю, именно в плоде то, что нам нужно. Сделаем вытяжки! Быстрей...
- Но, она умрет, высокородный!
- Вовсе не обязательно. Может, и выживет.
- И никогда больше не родит.
- Она и не должна была родить, забыли? Забыли, что она согласилась добровольно...
- Мы обещали ей ребенка...
- Я – никому ничего не обещал! А ну, хватит болтать. Делайте.
- Наркоза не хватит.
- И черт с ним...

Тряхнув головой, Навия едва пришла в себя. Постспешила отвернуться, глотая слезы. Теперь настала очередь удивляться ее собеседнику:

- Что с тобой, высокородная. Ты плачешь?
- Просто соринка в глаз попала.
- Но...
- Ты, кажется, собирался помочь Эльде? Она тебя ждет. Ступай.

Эльда... Почтительно кивнув, молодой человек оставил наставницу в самых расстроенных чувствах. Впрочем, ее чувства Альда сейчас не интересовали... Юная красавица Эльда влекла его куда больше! Тем более, он ведь и правда обещался помочь.

- Я ненадолго, Мудрейшая... Надеюсь, ты будешь в порядке.
- Буду. Иди.

Стеклянная дверь. Заросли смородины и томатов. Теплица. Все та же лаборатория – закуток.

- Здравствуй, высокородная Эльда. Я обещал прийти.

Девушка резко обернулась. Голубые глаза сверкнули бесконечностью океана. Губы растянулись в улыбке:

- Ах, Альд. Ну, что? Снимешь показания сам?
- Конечно, высокородная...

Сегодня Эльда была одета иначе. Да, обычный белый лабораторный халат, но под ним не голубая роба, а узенькие линялые штаны и короткая блузка из какой-то блестящей материи. Очень красивая, кстати сказать.

- Выскородная... ты так красиво одета!

Записав показания приборов в знакомый блокнот, юноша вернулся быстро.

– Красиво? – девчонка махнула ресницами. – Ах, да. У нас же сегодня вечером – праздник. Ну, на нашем уровне.

- Желаю хорошо повеселиться, высокородная.

– Да ну! Какое там веселье – скука.

Эльда неожиданно запнулась, вспомнив вчерашнего механика. Конечно, этот Гирн – гнусный нахал, но... Он подстерег ее утром, прямо у дверей. Выглядел виноватым, долго извинялся, а потом вдруг подарил акварельные краски и кисточку. Так сказать – загладить вину. Ничего другого обиженная девушка от нахала и не приняла бы, но это... Словно бы Гирн знал. Так ведь, верно и знал. Прознал как-нибудь. Может, когда заходил, рисунки случайно увидел...

– Поверь – от чистого сердца, стало быть. Ну, не дуйся, красотка. Обидеть тебя я вовсе не хотел. Просто подумал, что... Останемся друзьями, ага? Мир?

Против красок Эльда не устояла:

– Мир, ладно. Но...

– Понял, понял, понял! Ла-адно, пока. Кстати! Захочешь научиться целоваться – обращайся всегда!

Целоваться, хм... Что такое поцелуи, юная красавица знала. Читала в старинных книжках. Но, вот попрактиковаться наяву как-то было не на ком. По крайней мере, пока. Мудрейшие – двухсотлетние старцы – были практически равнодушны к женскому полу. Увы, вытяжки из спинного мозга мунов, способствуя долголетию, резко снижали потенцию, и тут уж приходилось выбирать. Кстати, этот ушлый механик Гирн наверняка проживет недолго. Еще лет сто – пожалуй, и все. А то и меньше.

– Ты обещала показать рисунки, высокородная...

– Да-да, я принесла. Да не называй ты меня так! Хотя бы, когда мы вдвоем. Зови просто Эльда. Красивое имя?

– Красивое. Как и ты...

– Вот... глянь...

Немного смущившись, девушка протянула Альду тетрадь – скрепленные вместе листы белой бумаги.

– Вот это я училась... Вот яблоко, видишь? Вот оно карандашом, а вот – гуашью. Гуашь – это такая краска, она есть у маркитантов... ой!

– Я знаю, кто такие маркитанты, вы... Эльда.

– Знаешь? Ну-у... ладно, проехали.

Усадив юношу на скамью, красавица подвинулась ближе, так, что ее мягкие золотистые волосы коснулись щек Альды.

– Это – классика. Это – в технике импрессионизма, вот кубизм, а вот – пуантилизм... это когда краски не смешаны и накладываются вот так, точками...

– Здорово! – восхищенно отозвался молодой человек. – Честное слово – здорово. Я бы никогда так не смог! Да и никто другой.

– Ну-у... скажешь тоже, – юная Мудрейшая покраснела от удовольствия аж до самых ушей.

– А откуда ты все это знаешь? – Альд подвинулся еще ближе, ощущая теплое бедро Эльды. – Про все эти измы?

– Ах да! Я ж книги читала... Я хотела показать... Принесла. Смотри! Это называется – альбом. История живописи.

Достав большую, без обложки, книгу, девушка разложила ее на коленках.

– Вот – Эль Греко... Рафаэль, Караваджо... вот Коро – смотри, как ветер гнет деревья! А вот это – импрессионизм... Моне... Писсарро... Ренуар... А вот это – Дега. Где балерины. А вот это – Сезанн... Тулуз-Лотрек...

– Как тут все неистово! – не удержался Альд. Он и в самом деле заинтересовался.

– Неистово? – Эльда неожиданно рассмеялась. – И в самом деле – очень даже подходящее слово. Вот дальше… кубизм… символизм, Дали… а вот абстракционизм – это наше все, русское. Малевич, Кандинский!

– Ничего не понимаю! – незаметно обняв девушку за поясницу, честно признался молодой человек.

– И не поймешь! – высокородная, шутя, стукнула его по носу пальцем. – Не поймешь, потому что не знаешь. Но… я тебя научу… если ты захочешь.

– Уже хочу! Очень.

– Понимаешь, настоящий художник вовсе не обязательно должен ублажать толпу. Рисовать красивенькие картинки, приятные глазу обывателя. Вовсе нет! Художник должен выражать мир. Свое отношение к миру. В этом все дело – вот так.

Эльда вновь пролистнула альбом и, скосив глаза, тихонько спросила:

– Тебе кто больше нравится?

– Вот этот вот… как его…

– Ван Гог!

– Да, Ван Гог. Где подсолнухи. Только больно они у него маленькие. Не как у нас.

– У нас – генномодифицированные, – снова засмеялась девчонка. – А вот эта картина? Это Моне. Смотри, какое небо!

– Как твои глаза… – прошептал Альд.

Его ладонь давно залезла деве под блузку… и было так приятно сидеть рядом с юной златовласой красавицей, ощущая манящую теплоту ее тела! Кажется, девушка это все чувствовала… и, кажется, была не против…

– Какие у тебя чудные глаза. Альд. Синие-синие… Я таких ни у кого не встречала… А ну-ка, закрой их!

– Ага…

Выдохнув, Эльда прикоснулась к губам юноши своими губами… сначала не очень-то решительно, нежно… но потом…

Потом – едва оторвалась, выдохнула…

– Это называется поцелуй, друг мой.

– Поцелуй… Здорово! Еще будем?

Упал на пол альбом. Сползла с девичьих плеч блузка…

– Высокородная Эльда! Нам дальше полоть?

Черт!

Хорошо, хоть постучались. Вежливые.

– Да-да… Я сейчас гляну.

Девушка быстро облачилась в халат, вышла, велев Альду сидеть тихо и ждать. Прошла в дальний конец теплицы, где работали юные муны. Кого-то похвалила, кого-то и поругала, наметила фронт работ.

– Смородину собираите. С каждого – по четыре кружки.

– А какую именно, высокородная Эльда? Красную или черную?

– Да любую.

Когда девушка вернулась в лабораторный закуток, Альд засмеялся:

– Высокородная! Ты блузку забыла надеть.

– Ой! И впрямь. Ладно, сейчас переоденусь.

Эльда сбросила халат… И юноша уже был рядом, обнял… И снова поцелуи, и жаркие объятия, и… Впрочем, дальше поцелуев дело не дошло. Пока…

На следующий день все повторилось. И на другой день. И потом... Томительные чувства обоих выплескивались в экстазе, бурно зарождающаяся любовь крепла с каждым днем, с каждым часом, с каждым мгновением...

Впрочем, хватало времени и просто для дружеского общения. Больше говорила Эльда... она и знала больше.

– Что такое генномодифицированные продукты? Ну-у... как тебе объяснить. Постараюсь... Это древняя наука. У нас вообще здесь много древних вещей. Вот, к примеру, как думаешь, почему твоя роба никогда не мнется, не рвется и почти не пачкается?

– Наука?

– Вот именно. А обувь? Вот эти твои мокасины... Не промокают, но, вместе с тем – дышат. Садятся точно по ноге – подходят каждому... Что? Что такое фаланстер? Как – что? Ах, откуда такое название? Ну... даже и не знаю. Нет, читала что-то. Но, настолько скучно – до конца не осилила. Кто-то из древних авторов воображал себе идеальный мир. Фурье, Оуэн? Или Достоевский, Чернышевский. «Четвертый сон Веры Павловны».

– Чай-чай сон?

– Да ничай, не бери в голову. Просто из какой-то книжки.

Навия, высокородная Навия, одна из Мудрейших, конечно же, заметила зарождавшиеся почти на ее глазах отношения. Все чаще и чаще Альд уходил в теплицу, используя для свиданий любой повод. Уходил и без повода, невзирая на возможное наказание. Уходил, чтобы...

Чтобы уединиться с этой... Навия грязно выругалась и тут же осеклась. Где-то в глубине души она все же надеялась, что это просто встречи, без всяких там поцелуев-лобзаний или чего-то большего. Правда, Альд стал скрытным... Но, она же сама парня этому и учила! Да и вообще, какое ей дело...

Мудрейшая закусила губу. А ведь было, было дело! Да, она пестовала Альда, как орудие мести, в память о нерожденном сыне. Однако, если уж быть до конца честной перед самой собой, Навия и сама не могла бы сказать с определенной точностью, с каких это пор этот красивый синеглазый юноша вдруг стал вызывать у нее совершенно иные, вовсе не материнские, чувства? Мун! Он всего лишь мун. Выращенный в пробирке гомункул с подавленными генами боевых машин! Бесправный работник, раб. И все же...

Может быть, прекратить все? Составить изысканно-убийственный донос на юную Эльду – о, Навия это умела! Если грамотно все описать, то от этой противной девчонки не осталось бы и следа... Однако, с другой стороны, Эльда – не обычная девушка. Не такая, как все высокородные. Помесь! Гибрид! По решению Совета именно Навия и должна была присматривать за девчонкой, и тут же доложить, если что-то в ее развитии вдруг пойдет не так. Получается, она же, Навия, все и проморгала? Да, если арестуют Эльду, возьмут и Альда, Дорн не дурак, дознается. И что тогда? Пусть этот черт радуется жизни и дальше? Идею мести в таком случае придется отложить. Разве что самой взяться за кинжал. Возможно, тогда Навия и добьется своего, хотя – далеко не факт, у Дорна имеется охрана. Дюжие парни из мулов. Безмозглые, прикормленные и преданные. Правду сказать, Навия вовсе не собиралась подставляться сама. Пусть Альд убьет Дорна, а там... А там поглядим! Хотя... все же, жаль, если Альда казнят. Ах, эти синие, синие очи! Альд... Неужели он с этой...

* * *

Мудрейшие называли его вестибюлем. Закопченные остатки высотки – шесть с половиной этажей, все остальное было напрочь срезано лазером во время сражений Последней Войны. Странно, но кое-где еще сохранились оконные стекла, точнее говоря – их осколки. В большинстве же своем, вестибюль безразлично смотрел на мир темными провалами окон, похожих на

пустые глазницы черепа. Честно сказать, и мир-то вокруг был таков, что смотреть на него не доставляло никакого удовольствия.

Бутово – обычный спальный район – пострадал от прямых военных действий не очень-то сильно. Однако потом, когда объявились мародеры и одичавшие биороботы, все быстро стало по-другому. Био – созданные сумрачным заокеанским гением боевые машины на живых мозгах – жгли и взрывали все, что попадалось им на пути. Пока было чем стрелять, правда. Но и того вполне хватило для того, чтобы превратить целые улицы в груду дымящегося щебня. Местами было вообще не пройти, а кое-где все оставалось по-прежнему. Средь островков неожиданно воспрянувшей после войны зелени умиротворенно торчали мирные серые пятиэтажки, даже детские площадки кое-где сохранились, кажется, закрой глаза – и услышишь голоса играющей ребятни.

Стояла осень, росшие невдалеке желто-красные клены лениво роняли листву, отражаясь в серебристых водах пруда, что начинался сразу за полуразрушенной эстакадой. Кто из роботов-гигантов – скорее всего «Маунтин» четырнадцатой или двенадцатой модели – верно, шутки ради, завязал рельсы узлом. Бантиком, как на ботиночках! Шутник, блин. Извращенец.

Как бы то ни было, а здесь, на самой окраине Москвы, при всей кажущейся пустынности, все же было небезопасно. Бродячие шайки одичавших «новых людей» – нео, группы труполовов вормов, да кто только не скрывался в здешних развалинах! Правда, для нападения на фаланстер сил у всей этой братии было маловато. Вестибюль защищало два боевых робота и два патруля – на шестом этаже и внизу, у входных ворот из сварного железа. Два станковых пулемета – вверху и внизу, в патрулях – только Мудрейшие, мунов на поверхность не допускали, да они и не знали о том, что на земле еще возможна какая-то жизнь. Кто б им сказал-то!

Крупнокалиберных пулеметов и роботов системы «Раптор» вполне хватало, чтобы защитить вход в фаланстер от разного рода «нечисти», как высокородные скопом именовали все формы послевоенной жизни.

Серое небо нависало над развалинами и эстакадой, порывы внезапно налетевшего ветра принесли откуда-то запах гари и дыма. Ветер же и разогнал тучи, так, что нужный дождь, хлеставший все утро, наконец, кончился, и где-то в вышине заблестел кусочек чистой небесной лазури.

– Ну, слава тебе! – глянув вверх, довольно ухмыльнулся один из патрульных, высокородный Павел. – Скорей бы смена пришла, надоело уже тут мокнуть.

– Да мы хоть под крышей, – напарник, высокородный Макс, кивнул на козырек над широким крыльцом, обложенным по всему периметру мешками с песком и щебнем. Какая-никакая – защита. Плюс – пулемет. Плюс – «Рапторы». Правда, сейчас один из роботов вместо патрулирования уныло лежал на боку и раздраженно жаловался на жизнь. То есть, жаловался, если бы ушлые патрульные не отключили голосовую связь. А что? Надоел уже! Ноет и ноет. Раз сломался, так лежи себе спокойненько, ремонтников жди. Чего ныть-то?

Работы, к слову сказать, ломались часто. Старые уже были, ржавые. Да и «пристяжи» – мелких роботов службы – уже не хватало. Поразбежалась «пристяжь», а частью – вышла из строя. Тут бы ««Рапторов»-то в боевом состоянии удержать, не до прочих! Больно уж дорогие у маркитантов запчасти.

– О! – один из патрульных – Макс – вдруг отвернулся от пулемета и к чему-то прислушался. – Слышишь – лифт заработал! Неужто, смена сегодня пораньше?

– Ага, смена, – Павел скептически ухмыльнулся. – Жди! Ремонтники это скорее всего. Явились, наконец. Починить нашего ящера!

Боевые роботы серии «Раптор» и впрямь напоминали древнего ящера, которого, собственно, конструкторы и копировали. Один из самых массовых боевых роботов Последней

Войны, сравнительно небольшой, около десяти метров в длину, на мощных пружинистых лапах, с цепкими передними конечностями, «Раптор» прославился тем, что вел боевые действия «волчьими стаями». Имел легкую конструкцию из авиационных сплавов, стремительные обводы и обладал повышенной агрессивностью. Эти био специализировались на ближнем, контактном бою – благодаря высокой скорости и маневренности, имели большие шансы прорвать оборону и устроить кровавую резню непосредственно в рядах противника. Они были эффективны и против танков, так как умение резко маневрировать затрудняло прицеливание танковых орудий, а передние конечности роботов были будто специально приспособлены для того, чтобы вырывать с корнем танковые башни, пользуясь орудийными стволами, как рычагами.

Хорошая машина, что и сказать. Еще бы техобслуживание делать вовремя, да запчасти иметь, всякие там расходники, «ЗИПы».

Загудев, лифт остановился где-то в глубине вестибюля. Послышались чьи-то гулкие шаги и свист – кто-то фальшиво насвистывал какую-то древнюю песенку…

Услыхав свист, патрульные довольно переглянулись и как-то сразу воспрянули духом. Словно знали, кто к ним сейчас придет. Так ведь и знали же!

– Здорово, Гирн!

– Привет, парни. Чего такие скучные-то? Кашей с утра объелись?

– Ага, обешься тут. А мы тебя с утра ждем. Ты что так долго?

– Так, а вы что хотели-то? – усевшись рядом с патрульными на старую шпалу, высокородный Гирн поставил возле пулемета небольшой чемоданчик и хмыкнул. – Напарник заболел, старый уже стал – вот и потекли мозги. Я теперь один… почти. Ну, Коля еще и Федор. И все! Трое нас! Тро-е. Мы и сантехники, и механики, и еще черт знает, кто. Как говаривали в старину – со скуки на все руки, так-то! Ну, где ваш болезный, показывайте? Будем лечить.

– А вон он валяется, не видишь?

– Ага!

Повернув голову, высокородный Гирн увидел лежащего невдалеке «Раптора». Длинный стальной хвост его скрывался за углом здания, могучие задние «лапы» были согнуты в сочленениях и прижаты к тусклому блестевшему корпусу, словно бы боевой робот был маленьким ребенком и сейчас вот собрался спать – согнувшись и натянув на себя одеяло. Грудные манипуляторы био застыли в какой-то нелепой позе – то ли собирались дать кому-то в морду, то ли – натянуть воображаемое одеяло. Вытянутая морда робота казалась невообразимо грустной, да вообще, весь общий вид валявшейся на земле боевой машины вызывал жалость.

– Никому не нужная куча металломата, – ухмыльнувшись, механик распахнул чемоданчик и вдруг стукнул себя ладонью по лбу. – А где второй-то? Что-то я и его не вижу совсем. Неужто…

– Да нет, – поскребывая челюсть, засмеялся Макс. – Второй на маршруте, патрулирует. Только что во-он за пятиэтажки зашел.

Высокородный Павел торопливо добавил, не отрывая взгляда от распахнутого чемоданчика:

– Вроде нормально все с ним. Нет, так давно бы сирену включил. Это у тебя что там во фляжке, а?

– Спирт, – повел плечом Гирн. – А вы что думали? Лично Мудрейший Дорм на протирку роботов выдал.

– Что-то он мало выдал!

– Сказал – только для микросхем.

– Сволочь! – переглянувшись, хором резюмировали патрульные. – Гадюка та еще.

Они оба были очень похожие внешне, как впрочем, и все Мудрейшие. Смуглые, коренастые, с глубоко посаженными глазами и короткой – ежиком – стрижкой. Только у высокород-

ного Павла нос – крючком, а у Макса – картошкой. Ну и уши – у Павла большие, тесно прижатые к черепу, а у Макса маленькие, аккуратные, но оттопыренные и торчащие, словно радары.

Председателя Совета Мудрейших многие в фаланстере не жаловали, особенно из вот таких, «простых» людей, как собравшиеся сейчас у пулевета. Да, и они были высокородными – механиками, инженерами, охранниками даже. Только никому из них не пришло бы и в голову поставить себя на один уровень с Дормом или ему подобными – учеными. Нет, формально среди Мудрейших заявлялось полное равенство, только вот, как говорилось в одной древней книге: все равны, но некоторые – ровнее других.

– Вчера только прочитал, – высокородный механик Гирн повторил запавшую в память фразу. – Хорошо сказано, прямо про нас!

– Меньше б ты болтал, Гирн! Дольше бы жил, – покачал головой Павел.

Механик неожиданно выругался – не просто так, а с явным остерьенением, грубо:

– Не будет меня – вся техника в фаланстере встанет! И так-то уже все сыпется… вон, хоть того же «Раптора» возьмите. А потому – что хочу, то и говорю! Буду еще кого-то бояться, вот еще! Пусть они боятся, ага. Вот, канализация-то потечет… посмотрю я на всех этих Дормов! А вообще, нам, механикам, тяжело. Это вы тут вот сидите, а мы… Мало нас, вот в чем дело.

– То-то я и смотрю – ты все книжки читаешь, – ухмыляясь, вскользь заметил Макс. – Значит, есть время в библиотеку зайти. У нас вот – нету.

Гирн раздраженно нахмурился:

– Сами ж знаете, у книг я обложки рву – картон хороший, для прокладок годится. Чем у маркитантов-то втридорога покупать… Ну, которую книгу иногда и прочту… пару страниц, больше некогда. Ладно, хватит тут болтать, пойду, поработаю. Вон, «Раптор»-то весь заждался.

Захлопнув чемоданчик, высокородный Гирн направился к работе…

– Эй, эй! – Павел неожиданно вскочил, лихорадочно зашарив по карманам камуфляжной крутки. – Чип-то забыл, ага. Стой, говорю. Он же тебя сейчас…

– А зачем мне чип? – перекинув чемодан из руки в руку, спокойно обернулся механик. – Наши-то роботы меня знают. Чай, не чужие, ага. Вон, подмигивает уже… бедолага.

И в самом деле, поверженный «Раптор», завидев Гирна, приветливо замигал фарами. Тускло так замигал, вроде как, жалуясь… но еще и с радостью, и с надеждой.

– Смотри-ка! И впрямь, за своего держат, – патрульные недоуменно переглянулись.

– Вот уж не думал, что так может быть, что можно без чипа, – покачал головой Макс.

Его напарник почесал крючковатый нос и хмыкнул:

– Нас-то небось не подпустил бы. Зарядил бы хвостищем… или чем другим.

– Так мы ж его не ремонтируем, – высокородный Макс неожиданно засмеялся. – И к чему это у тебя нос чешется, а?

– Да ни к чему! – Павел нахмурился. – Говорю же – сволочь этот Дорм. Гадюка!

Кстати, сказать, о том, как его обзывают некоторые из Мудрейших, Председатель Совета был осведомлен прекрасно. По окончании боевого дежурства каждый патрульный писал рапорт… щедро поливая грязью напарника. До каких-либо репрессий дело доходило редко, но рапорта копились, подшивались в особую папочку, где и лежали до поры, до времени. Чтоб на каждого был компромат! Иначе как руководить-то? Как власть удерживать?

Пока патрульные переговаривались, высокородный Гирн уже подошел к самому брюху «Раптора», и, достав гаечный ключ, уже намеревался открыть заслонку блока питания. Как и все боевые машины – био, – «Раптор» питался любой органикой. «Сервы» – или патрульные, когда как – загружали ему в реактор трупы… а иногда – и живых пленников, работу было все равно.

Поверженный исполин вдруг заурчал, заморгал прожекторами-фарами, будто хотел что-то сказать. Так ведь и хотел – и механик его понял прекрасно.

Опустил ключ и задумчиво почесал затылок:

– Говоришь, блок питания в норме? Хм... Значит – левая «лапа». Видать, тяга перетерлась – всего-то. Сейчас поглядим... Э! А где бездельники? Такую пустяковину и они могли бы исправить... Эй! Долболовы железные! Чертова сколопенды... вы где?

С противоположного бока «Раптора» донеслось жужжание, и к ногам механика выкатились не слишком большие, но жутковатые с виду твари, напоминающие металлических пауков с вытаращенными глазами-оптикой и множеством железных манипуляторов. Ремонтные роботы, так называемая «пристяжь», в задачи которых входила поддержка технического состояния боевых машин, а также спасение собственной бронированной шкуры любой ценой – без должной технической поддержки оба боевых робота долго не протянули бы.

– Ну, что, бездельники? – добродушно усмехнулся Гирн. – Говорите, не привод? Ладно, ладно, сейчас поглядим... Розетки работают у кого? У тебя... ага... Ну, иди сюда, сейчас воткну паяльник. А ты держи дампу. Вот так!

За всеми манипуляциями высокородного с интересом наблюдали патрульные – а чем им было еще заняться? Весь этот ремонт – какое-никакое, а развлечение. Вот и пялили глаза, время от времени отпуская весьма едкие комментарии, касательно того, откуда растут руки у высокородного Гирна.

Впрочем, кроме них был и еще один наблюдатель. Невдалеке, в развалинах, скрывалось чрезвычайно жуткое существо с огромной зубастой пастью, занимавшей почти половину уродливой головы. Огромные сверкающие глаза-плошки, фасеточные, как у насекомого. Между глазами и пастью покачивались тараканы усы-антенны длиной с полметра каждый. Торс человеческий, но вместо рук – осминожки щупальца с присосками, а ноги вывернуты коленками назад и оканчиваются страшными пилами, одного удара которых было бы вполне достаточно, чтобы перерубить человеческую шею или конечность.

Несомненно, сей жуткий монстр был бы тотчас уничтожен «Рапторами»... или расстрелян из крупнокалиберного пулемета... Если б его заметили бы!

Однако, нынче отвлеклись все. И роботы, и патрульные. Так что чудище, вряд ли рискнувшее бы проникнуть в фаланстер в иное время, нынче сыграло ва-банк! Улучив момент, метнулось к высившейся за крыльцом системе забора воздуха. Тварь пробиралась так ловко и быстро, что, казалось, вдруг совершенно исчезла из виду. Только мелькнула между патрульными легкая, едва заметная тень...

Тем временем, распахнув кожух левого заднего манипулятора, механик быстро обнаружил неисправную микросхему, и так же быстро ее заменил – сноровисто и умело. Улыбнулся, и, довольно потерев ладони, похлопал «Раптора» по броне.

– Ну, поднимайся уже, бездельник, хватит тут ночевать!

Огромный боевой робот поднялся на ноги с неожиданным проворством и прытью, и это было весьма впечатляющим зрелищем для всех! Будто бы встал на дыбы небольшой бронепоезд. Встал. Поводил башкой... заурчал... рявкнул сиреной, и ускакал, скрывшись за развалинами на патрульном маршруте.

* * *

На одном из свиданий... Да! С некоторых пор романтические встречи влюбленных уже можно было назвать именно так, именно этим древним словом, ибо ничего другого и не подберешь. На одной из таких встреч – свиданий – Эльда рассказала своему возлюбленному о внешнем мире. О том, что там вовсе не населенная чудищами выжженная пустыня, как гово-

рили муна. И что с того, что постъядерный мир вовсе не такой, как прежний? Радиация оказалась не такой уж и страшной, а кое для кого – так вообще, оздоровительной, если можно так выразиться. На поверхности, в развалинах древней Москвы, кроме монстров, оказывается, обитали многочисленные разумные существа – люди, новые люди – нео, и прочие. Эльда и сама толком не знала обо всех, но все же она периодически выбиралась на поверхность: на ярмарку, что разбивали маркитанты возле старой железнодорожной платформы. Не так часто, но – выбиралась. Впрочем, наверное, чем дальше, тем маркитанты приходили бы чаще, ибо не так уж и много времени прошло с тех самых пор, как Мудрейшие осмелились выбраться из фаланстера наружу.

– Торговцы рассказывали, будто сохранился Кремль – древняя крепость. Там тоже живут люди, защищаются, как могут, от нечисти. Еще есть какой-то НИИТЬМы – подземные исследовательские лаборатории, почти как у нас.

– Вот бы с ними связаться!

– Если они готовы к сотрудничеству. А вдруг – нет? Мы же ничего толком не знаем, – Эльда с сомнением покусала губы, искоса поглядывая на Альда.

Тот слушал внимательно, не перебивая, лишь иногда задавая уточняющие вопросы:

– Ты сказал, охрана фаланстера надежна?

– Более чем, Аль…

Аль… так ласково девушка теперь называла возлюбленного, он же ее – Эля.

– Суди сам: два станковых пулемета… это, как «калашники», только больше, плюс два боевых робота – «Раптора».

– Роботы?

– Боевые машины, похожие на животных. Умные, безжалостные, сильные. Ну, про животных я тебе рассказывала… Книжку про динозавров прочел?

– Давно уже. Принесу завтра. Она у высокородной Навии, в лаборатории, в столе.

Альд врал. Просто не хотел расстраивать любимую. Небольшую, с забавными картинками, книжку, он вынужден был принести в казарму. Просто не успел вовремя убрать, когда читал в оранжерее. Кто-то из высокородных внезапно заглянул… пришлось срочно прятать книгу под одежду, а там уж было не выбросить. Пришлось спрятать под матрас.

– Для того чтобы выйти из фаланстера, каждый из высокородных должен получить пропуск со специальным чипом. Именно на чип настроены роботы, если его не будет, «Рапторы» откроют огонь…

– У них автоматы?

– Пулеметы. И лазерные пушки. Но, зарядов почти нет, зато много метательных дисков и всего такого прочего. Враг не пройдет!

– Значит, без чипа – никак?

– Никак. Даже если кто-то проберется наверх через вентиляционные шахты. Они как раз под пулеметы выходят. И – под «Рапторов». Кстати, – Эльда вдруг вспомнила что-то интересное. – Когда я последний раз была наверху, в нашей группе старшим был высокородный Николаус, член Совета. Так вот – у него никакого пропуска не было. Однако, роботы его пропустили… И знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что у всех членов Совета чип вшил под кожу. Вот здесь, на левом предплечье. Привилегия у них такая, что ли. Везде и всюду могут ходить.

– А другие Мудрейшие?

– Далеко не все.

– Значит, равенства нет и среди высокородных?

– А, пожалуй, так.

Еще они просто болтали за жизнь. Шутили, смеялись, читали принесенные Эльдой книжки. И целовались, конечно, – как же без этого-то? Правда, приходилось таиться. Далеко не всегда теплица, за которую отвечала девушка, простоявала безлюдной. Почти всегда – нет. Кто-то рыхлил почву, кто-то собирали ягоды, кто-то обрезал ветки – работы хватало. Да еще высокородная Навия… Альду иногда казалось, будто она знает все. Ну, если и не знает, то что-то подозревает – точно.

Свидания были быстрыми. В основном во время работы, перед обедом или перед ужином, когда муны уже строились для похода в столовую. Минут десять – пятнадцать. Поцеловались, поболтали, обнялись… вот и все! На большее просто не хватало времени. Эх, если бы весь вечер! Увы, оставалось лишь ждать и надеяться. Что Альд с Эльдой и делали.

* * *

Вскоре вновь подошла очередь Альда идти в патруль. На этот раз не в оранжерею, а в конце Второй Эспланады, где был разбит небольшой, но уютный парк с акациями и рододендронами. Белые и розовые цветы пахли так потрясающе, что по парку не брезговали гулять и высокородные, благо лифтовые шахты находились совсем рядом. Аккуратные дорожки, посыпанные желтой каменной крошкой, клумбы с ромашками и васильками, специально посевянная трава, пластиковые скамеечки. И, самое главное, огромное – во всю торцовую стену – панно, изображавшее заход солнца. Это был еще тот, довоенный мир – с веселыми улыбающимися людьми. На высокой нарисованной эстакаде голубели вагоны только что прибывшего поезда, по широкой лестнице спускались люди, чуть позади серебрился пруд, в спокойных водах его отражались разноцветные высотные здания и золотисто-оранжевая солнечная дорожка.

Наверное, весь довоенный мир был именно такой – спокойный, тихий и добрый. Что же его не сохранили-то, что?

Эльда частенько приходила сюда, правда, рисовать при всех стеснялась, просто запоминала все, что изображено, а потом, уже дома, по памяти делала наброски.

– Раз-два, раз-два… Становись! – командовал Мудрейший Николаус. Высокий, подтянутый, в темно-зеленой фуражке с лаковым козырьком, он чем-то напоминал какого-нибудь знаменитого древнего генерала, Наполеона Македонского, Ричарда Невского, Александра Львиное Сердце… Совсем недавно о них рассказывала Эльда. Эльда… Эля… Солнышко! Как же так случилось, что высокородная обратила внимание на какого-то муна?! Может, дело не только в Альде, но и в ней самой? Ну да, она ведь не обычная Мудрейшая…

– Разговорчики в строю! Старшие патрулей, получить оружие!

Оружие принес высокородный Александр. Точнее – спустил в лифте, а дальше тачку уже подхватили муны. Арсенал располагался на минус первом уровне, где обитали исключительно Мудрейшие.

Высокородный Александр. Надменный, вечно в наушниках. Может, потому он и не услышал тогда зов? И как ловко подставил несчастного Горма! Ах, Горм, Горм… как тебя угораздило-то!

Юноша передернул плечом, удивляясь собственным мыслям. Он ведь присутствовал на выборовке и раньше, и неоднократно. Все муны должны были присутствовать. И почти все Мудрейшие.

Но никогда раньше Альд почему-то не воспринимал казнь так, как в случае с Гормом. Ведь малолетний бедолага вряд ли был заражен, скорее всего, просто непозволительно распустил язык, осмелясь спорить с высокородным. За что и поплатился! Горм – герой, а высокородный Александр – сволочь. Неужто, его снова назначат старшим патруля… Ну-ка, ну-ка…

— Гомункулусы Корс, Касп, Реут и Варг! Пятая оранжерея. Старший – высокородный Филипп… Гомункулусы Фергюс, Монк, Арист и Велей – третий вещевой склад. Старший – высокородный Александр…

А вот это – славно! Здорово. Повезло.

— Гомункулусы Волг, Кай, Альд, Лубим – парк Второй Эспланады. Старший… старшая – высокородная Эльда.

Эльда! Черт! И как же он ее не узнал-то? Вон же она, рядом с высокородным Николаусом. Видать, получает инструкции. А выглядит – потрясающе! Альд не мог отвести глаз.

Девушка была одета в короткие камуфляжные шорты и такую же курточку с подкатанными рукавами. Толстые носки, необычные походные ботинки, на широкой портупее – нож в кожаных ножнах, ну и автомат Калашникова на шее, как же без этого? Да, еще – шлем, потому что Альд ее сразу и не заметил. Защитного цвета шлем с надвигающимся на глаза забралом – очками, позволяющими видеть и в темноте. Из-под шлема хулигански выбивались знакомые золотистые локоны.

Подходя к возлюбленной за оружием – копьем и кинжалом, – Альд едва сдержался, чтобы не сказать в очередной раз, какая она красавая! Как ей идет этот воинский наряд, особенно…

— Стая-новись! – зычно скомандовал высокородный Николаус. – Шаго-ом… Арш! Раз-два, раз-два… Левой плечо впере-од… Раз-два, раз-два…

Несомненно, высокородному Николаусу очень бы хотелось отдать еще один приказ – «Песню… за-пе… вай!». Однако, увы, муны песен не знали, никто их этому не учил – слишком уж интеллектуально. Осторожничал Председатель Дорм, осторожничал! Но, может, он был и прав: а вдруг звуки военного марша разбудили бы у кого-то из мунов навыки боевой машины? Тогда снова выбраковка? Зачем? Вот и шагали молча. Раз-два, раз-два…

Эльда тоже вышагивала. Стучала тяжелыми ботинками по асфальту. Шли, правда, недалеко – до конца парка. Там же и расположились – у картины.

— Гомункулусы Кайк и Лубим – левый фланг. Волг и Альд – правый, я – в центре, в беседке, – высокородная быстро расставила посты.

Альд оказался в паре со здоровяком Волгом, туповатым даже для мунов, и это давало определенные надежды. Может быть, удастся посидеть рядом с любимой, поболтать… Хотя, вряд ли нетерпеливому юноше стоило сейчас тешить себя иллюзиями. Патрули строго прове-рялись, тем более здесь, в парке. Высокородный Николаус явно не откажет себе в вечерней прогулке по красивым аллеям. Заодно – проверит посты и старшую.

Так и было. К вечеру уличное освещение начало тускнеть, часть потолочных фонарей и вовсе погасли, имитируя наступление сумерек. Зато зажглись другие фонари – изысканно ажурные, на чугунных столбиках вдоль аллей, быстро наполнившихся людьми. Кроме высокородных, здесь гуляли и муны – никто им не запрещал бродить по своему уровню. Правда, особого веселья среди гомункулусов заметно не было, они вообще не умели веселиться и в большинстве своем были чужды эмоций. Иное дело – Мудрейшие. Многие из них были в ста-ринных костюмах, это считалось особым шиком, выйти в таком костюме вечером, в парк. Эле-гантные седовласые господа во фраках и при галстуках, а кое-кто – и в древнем мушкетерском плаще. Молодящиеся дамы в коротких фривольных платьицах и блестящих лосинах, с боль-шими пластмассовыми серьгами – клипсами – в ушах. Церемонные поклоны, светские беседы, смех…

Ближе к Эспланаде слышался стук шаров – там были установлены бильярдные столы. Никому не запрещалось играть, только вот му нам было – не на что. Высокородные же – люди серьезные – играли по-крупному, то и дело доносился звон золотых монет. Имея солидный запас золота еще с довоенных времен, Совет платил жалованье всем специалистам-Мудрей-шим. Эльда тоже получала – как биолог и агроном. Немного, всего-то одну монету в неделю,

но она и считалась стажером. На Первой Эспланаде вдоль сей улицы тянулись торговые ряды, где можно было купить почти все, что продавали маркитанты. С двойной наценкой, правда, – весь доход шел в городскую казну.

Опираясь на копье, Альд смотрел сквозь деревья, силясь разглядеть беседку. Было плохо видно, и юноша обошел акации... и закусил губу, увидев, как любимая Эля с улыбкой болтает с высокородным Николаусом. Приперся все же проверять патрули, старый черт! Ишь, как возле юной красавицы вьется, топорщит усы! Ага... вот ушел. Наконец-то!

Уже очень скоро все разошлись. Затихли голоса и смех, и стука бильярдных шаров стало неслышно. Где-то под самым потолком-небом сипло прогудела сирена, объявляя всем мунал отбой. Завтра ждал новый рабочий день, нужно было хорошо выспаться, чтобы утром встать сильным и свежим.

Погасли «небесные» лампы, на какое-то время стало совсем темно... И вдруг – снова вспыхнуло освещение, яркое, как днем! Так и было заведено. Зачем оставлять темень? Вдруг что-то нехорошее взбредет в голову какого-нибудь муна, и он, выскочив из казармы, сломя голову бросится на поиски приключений? Да и патрулирование лучше осуществлять при свете.

– Так, что тут торчите? А ну, ноги в руки и пройдитесь вдоль стен, живо. Осмотрите там все, потом доложите по всей форме.

Высокородная Эльда отдавала распоряжения, вовсе не показывая своего благоволения к Альду. Сейчас он был для нее – как все.

– Повинуемся и исполняем, высокородная.

Альд в паре со здоровяком Волгом прошли вдоль кленовой аллеи и, свернув к небольшому декоративному пруду, направились к левой стороне панно. Альд невольно поежился – сквозь вентиляционную решетку явственно тянуло холодом. Наружный воздух засасывался моторами сверху и, проходя по шахтам и квадратным жестяным коробам, постепенно нагревался. Мощные вентиляторы сначала гнали воздух на самый нижний ярус – к складам, и там было достаточно прохладно, если не сказать – холодно. Затем воздух поднимался по трубам на минус третий ярус – к оранжереям, потом – на уровень мунов и в последнюю очередь – уже нагревшимся – в апартаменты Мудрейших. Сложная система сия частенько ломалась, требуя вмешательства ремонтников. Впрочем, здесь, в фаланстере, все частенько ломалось. Так и времени-то сколько прошло со времени его постройки! Больше двухсот лет все-таки.

– Ну и холода же, верно, там, наверху! – снова поежился Альд. – Как раз – для чудовищ.

Волг ничего не ответил, он вообще отличался немногословием. Зато силен был, как древний бык или, лучше сказать – трактор!

– Вроде, спокойно все...

– Да кому тут и быть-то?

Альд едва не споткнулся – не ожидал, что его напарник вдруг подаст голос. А ведь – подал-таки! И совершенно логично, в тему. Вот вам и тупой.

– Да, друг, кроме нас, быть тут некому.

Не успел молодой человек произнести до конца фразу, как в парке неожиданно погас свет. Темно стало не только в парке, но и по всей Эспланаде. Скорее всего, без электричества остался весь уровень, что вовсе не являлось такой уж редкостью. Проводка была старой – частенько коротила. Ничего удивительного.

Наступившая тьма не сильно расстроила высокородную Эльду. Не прошло и секунды, как послышался ее звонкий голос:

– Ситуация номер два! Нарядам – приступить к действиям.

Для таких случаев у старшего патруля имелся автономный фонарь, а по всему периметру Эспланады и парка в специальных столбах имелись факелы. Оставалось лишь их зажечь, для

чего в углублении каждого третьего фонарного столба всегда находились спички. В обычное время («ситуация номер один») трогать спичечные коробки строго-настрого запрещалось. Но, нынче ситуация была иная...

Все четверо патрульных по руководством старшой принялись сноровисто зажигать факелы. В темном ночном парке словно вспыхивали светлячки или, скорее, огненные рыжие звездочки. На взгляд Альда – было очень красиво! Вот, опять же – раньше бы, на всю эту красоту парень и внимания-то бы не обратил. Но, то раньше. А нынче... Нынче есть Эльда... Эля... Любимая!

– Дежурим в штатном режиме, – удовлетворенно кивнув, промолвила высокородная. – Если что, я – в беседке. Смотрите, не спите.

– Как можно, Мудрейшая?

Отойдя в сторону, чтобы хорошо просматривался дальний угол парка, Альд вдруг услышал какой-то непонятный шорох. То ли в вентиляционной шахте, то ли... Юноша всмотрелся внимательней... и вдруг увидел синюю короткую вспышку. Замыкание! Видать, кто-то из механиков все же пытался включить электричество.

Миг – и молодой человек оказался у беседки.

– Прошу позволения доложить, высокородная.

– Я видела, – холодно промолвила девушка. – Замыкание в третьем секторе. Пойду, доложу по связи.

– Я провожу!

– Нет! У тебя сейчас служба.

Эльда удалилась, исчезла в зыбкой полутиме, разгоняемой горящими факелами. Альд вдруг ощутил беспокойство – ну, куда же она одна? А вдруг что? Правда, при ней автомат все-таки.

Вот, значит, что это за непонятный звук – замыкание.

Едва Эльда ушла, как с правого фланга донесся какой-то шум. То ли кого-то уронили наземь, то ли сам споткнулся... что тут и не мудрено. И все же – следовало выяснить.

– Ты – здесь, а я пойду, проверю, – коротко молвил Альд.

Миновав заросли акаций, он перешел на бег, и вскоре оказался на правом фланге – зоне ответственности других своих напарников.

– Эй, Лубим, Кайк? Где вы?

Никакого ответа. Только гнетущая тишина, да едва слышно потрескиванье факелов. И чья-то едва заметная тень, прошмыгнувшая прямо к беседке!

– Кто здесь? А ну, стой! Стой, говорю, иначе...

Сжал копье покрепче, молодой человек бросился в сторону странной тени... Что это могло быть? Что-то незаметное, не очень большое. Крыса? Прыгающий червь? Эх, света б побольше... Горевшие вокруг беседки факелы вдруг разом погасли. Будто бы их одним махом задул кто-то огромный и сильный.

В тот же миг, в ответ на мысли Альда, прямо перед бегущим юношей вдруг вспыхнули лампы. Желтые такие, большие... Хотя... Нет! Никакие это не лампы!

Альд резко остановился и выставил вперед копье. На его пути, в пяти метрах от беседки, горели лютейшей злобой желтые, большие, как плошки, глаза! Фасеточные, как у насекомого.

Глава 3

Лица у чудовища не было. Сразу под плошками-глазами начиналась пасть, занимавшая с полголовы монстра. Между глазами и пастью угрожающие топорщились тараканы усы. Еще Альд успел заметить мускулистый, вполне человеческий, торс и осминожки щупальца с присосками. Щупальца эти, хищные, словно змеи, верно, заменяли твари руки. Ноги же были вывернутые коленками назад, как у кузнечика, и оканчивались чем-то вроде пил. Пожалуй, одного удара такой пилы будет вполне достаточно для любого патрульного.

Они валялись рядом. На земле, у клумбы. Кайк и Лубим – напарники, сильные молодые парни. Чудовище разорвало их пополам! В свете отдаленных факелов тускло кровавились вывалившиеся наружу внутренности, мертвые лица патрульных выражали вовсе не ужас, а, скорее, недоумение. Как видно, чудовище напало на них внезапно, сделав свое дело умело и быстро. Точно так же тварь собиралась справиться и с Альдом...

Мгновенно оценив обстановку, юноша бросился наземь, в траву. И вовремя – над его головой что-то прошелестело... Сабля! Или меч – что-то такое, сверкнувшее стремительной молнией. Однако!

Альд действовал решительно и четко. Сгруппировался, откатился за клумбу, и, когда чудище подняло клинок, с силой метнул копье, поразив тварь в плечо! Монстр глухо заворчал, словно жалуясь, фасеточные глаза его налились ненавистью, торс изогнулся, ноги-пилы спружинили в прыжке... и усеянная острыми зубами пасть клацнула возле левого уха патрульного. Возле... Все же Альд увернулся, успел...

Чудовище неожиданно оказалось вполне предсказуемым. Оно действовало строго по плану; сначала – удар клинком, затем – выпад пастью, а уже потом в дело вступали ноги. Быстро разгадав сей алгоритм, молодой человек сумел противостоять чудищу. Тем более, тварь была ранена и должна была рано или поздно начинать совершать ошибки.

Впрочем, ждать было некогда. Альд прекрасно осознавал, что в открытом бою соперник имеет перед ним все преимущества в силе и натиске. Плюс сабля, плюс пилы, плюс пасть. У юноши же оставался один лишь нож... Им нужно было воспользоваться, нанеся лишь один удар – смертельный.

Интересно, где у этой твари сердце? В груди? Или, может, в заднице? Гадать некогда, следует бить в голову. Мозг, если он есть, уж точно – там.

Монстр снова заворчал, прыгнул... и снова Альд оказался быстрее, ужом шмыгнув в кусты. Рассвирепевшее чудовище ударило по кустам саблей, ударило с невиданной силою, разом снесло полкуста.

Полетели по сторонам срубленные ветки акации, однако юноша уже был под другим кустом. Так и бегал, изматывая монстра, чувствуя его зловонное дыхание и выбирая момент, чтоб ударить наверняка. Дело облегчалось тем, что весь этот парк Альд знал, как свои пять пальцев, монстр же объявился здесь недавно, буквально – только что. Верно, пробрался через вентиляционную шахту... Что ж...

Не видя перед собой жертвы, чудовище застыло, и, хищно вытянув шею, заводило зубастой мордой. Как видно принюхивалось. Или – всматривалось, кто его знает, может, эта тварь прекрасно видела в темноте? Альд в темноте не видел, значит, монстра нужно было загнать туда, где более-менее светло – под факелы, к бильярду.

– Э-эй, тварь! Я здесь, догони-ка!

Позвав чудище, молодой человек тотчас же бросился бежать, петляя, как заяц. Тварь нагоняла его огромными прыжками, правда, не сильно-то и проворно – Альду прекрасно удавались все его маневры, да и вообще, он чувствовал сейчас необычайную легкость в движении.

ниях. И – никакой усталости или, уж, тем более – страха. Наоборот – уверенность и легкий азарт! Даже можно сказать – душевный подъем. Словно бы юноша был рожден для схватки.

Так ведь – и рожден. Точнее говоря – создан.

Проснувшиеся гены боевой машины творили чудеса. Чудовище тоже поняло это, стало гораздо осторожнее, особенно после того, как молодой человек чуть было не отрубил ему щупальце. Не отрубил, увы, однако же – ранил. Щеки юноши забрызгала чужая кровь. Желтая, липкая, похожая на гной.

Тварь, несомненно, была разумной. И быстро училась. Вот, чуть постояв, прыгнула, взмахнула клинком… Альд едва успел нырнуть под бильярдный стол. Монстр тотчас же взгромоздился сверху и, не дожидаясь, пока юноша выберется, принялся наносить удары прямо через стол! Рвалась велюровая ткань, трещало дерево – гибельный клинок ударял со скоростью швейной машинки! Да, да, так оно и было – тварь словно бы не наносила удары, а штопала. Методично, а – главное – быстро. Так, что уже очень скоро…

Мгновенно оценив опасность, Альд тотчас же вытянулся и, отвлекая врага, ударили ногами по дальнему краю стола. По всем прикидкам, чудище должно было среагировать, повернуться…

Молодой человек быстро вынырнул из-под противоположного конца стола… Прямо под удар твари! Гнусное чудовище на этот раз оказалось хитрее, и, наверняка, этот миг стал бы для Альда последним… Если бы парень не использовал то, что оказалось под рукою – бильярдные шары!

Схватил, швырнул – угодив в левый глаз твари! Чудовище завыло, выгнулось – но юноша уже успел выбраться из ловушки.

– Кто тут? Ах, вон… что…

Волг! Неповоротливый напарник Альда, наконец-то, вступил в схватку, швырнув в чудище увесистую чугунную вазу! Сей изысканно-вычурный снаряд, наверняка, перебил бы твари хребет, если б Волг не стал кричать, не привлек бы внимание к себе и к своим действиям.

Монстр, конечно же, сообразил, уклонился… и распластавшись по земле, молнией метнулся к Волгу… Зловеще сверкнул клинок… Всего лишь какое-то мгновение – и срубленная голова здоровяка покатилась по аллее, словно капустный кочан, случайно вывалившийся из тачки.

Грузное тело несчастного, фонтанируя кровью, повалилось в траву.

– Во-о-олг! – закричав, Альд быстро убрался в кусты, выскоцил, заходя в тыл бросившемуся за ним чудовищу… Пробегая мимо обезглавленного тела, на мгновение нагнулся, вытащил из ножен нож… И тут же метнул, угодив твари в спину!

Не убил, нет, и даже не сильно ранил. Однако же, чудовище теряло кровь, слабело – и это чувствовалось по всему. До того стремительные, движения твари замедлились. Пусть не намного, но Альд сразу же это просек. И холодно улыбнулся, крепче сжимая в руке рукоять ножа. Посмотрим еще, кто кого! Посмотрим.

С момента начала схватки прошло, наверное, минут пять – вряд ли больше. Еще столько же – и чудище даст слабину, и тогда…

– А ну, стоять! Стоять, стреляю!

Ах, зачем она это выкрикнула? Действовала строго по инструкции, да… Но сейчас же был совсем не тот случай!

Ночную тишину парка разорвала гулкая автоматная очередь. Пара щупалец монстра, перебитые, разрезанные пулями, отвалились, упали в траву, исходя желтоватой слизью и извиваясь, как змеи. Только что не шипели!

Узрев новую опасность, тварь плюхнулась в траву, расплатаилась коровьей лепешкой… и вдруг исчезла! Растворилась в воздухе прямо на глазах у Альда. Вот только что была – и нету.

- Что это было, а?
- Стреляй, Эля! Вот сюда. Давай!
- Так здесь же нет никого...
- Стреляй, говорю!

Девушка послушно дала короткую очередь. Автомат в ее тонких руках дернулся, задрал ствол...

- Ну – пусто же, видишь?

В любую секунду ожидая нападения, Альд наклонился и потрогал траву... Выпрямился, растер меж пальцами слизь... или – кровь...

– Оно перебило весь патруль, – напряженно глядываясь в полутьму, промолвил молодой человек. – Оно ранено, но не убито. И, похоже, может становиться невидимым. Эта тварь очень опасна, Эль!

– Становиться невидимым? – опустив автомат, девушка задумчиво покусала губу. – Что-то я про такое читала. Или слышала. Невидимость. Тени на потолке...

- Какие еще, к черту, тени?

– Скоро дадут свет, – между тем, пояснила Эльда. – По крайней мере – подсветят небо.

– Это хорошо. Да и выстрелы, думаю, многие слышали. Сейчас придут муны!

– Нет, не придут. Ничего там не слышно. Казармы запираются герметически.

– Зачем? – Альд недоуменно моргнул.

– Весь ваш уровень – герметичен, – шепотом продолжала девчонка. – В случае массового заражения можно пустить по воздуховодам газ.

Молодой человек криво усмехнулся:

– Вот, значит, как? Ну, высокородные...

Опаньки! Над головами влюбленных вдруг вспыхнуло небо! Так, чуть-чуть, словно вечерняя зорька. Но и это уже кое-что! Эльда не обманула – электричество все ж таки починили. Правда, еще не полностью, но...

– Ты оставайся здесь, а я позвоню, вызову подмогу! – не дожидаясь ответа, девушка решительно зашагала к лифтовой шахте – к телефонному аппарату.

Альд бросился было за ней, но... чуть поостал. Неведомый монстр уж явно не упустит момент расправиться со своим наиболее опасным противником – автоматчицей. Так что – на живца! Так, кажется, говорили древние рыбаки. Юноша прекрасно понимал, что серьезно подставляет любимую, подвергает ее смертельной опасности. Понимал... Однако – действовал, вполне осознавая, что невидимое чудовище, наверняка, нанесет удар сразу по двоим.

Если б не появление Эльды, то вполне разумно было бы дать монстру уйти – пусть убирается обратно в вентиляцию. Очень может быть, что Альд так бы и сделал. Но, сейчас, когда есть автомат... автоматчица... Тварь явно постараится устранить опасность.

Молодой человек двигался с той же скоростью, что и высокородная. Только Эльда шла по аллее, Альд же пробирался зарослями акаций и сирени. Ступал неслышно, и внимательно смотрел по сторонам. Сердце словно бы отключилось, все чувства исчезли. Все, кроме одного – чувства опасности. Альд сейчас был не вполне человеком и действовал без всяких эмоций, ничуть не жалея свою возлюбленную. Просто использовал. Сейчас это был наиболее оптимальный вариант.

Ну, где же ты, монстр, покажись? Смотри же, какая аппетитная жертва! Идет себе... даже головой не крутит. И автомат просто висит на груди... Давай же, тварь! Давай же!

Как и все муны, Альд не умел обращаться с огнестрельным оружием. Зато с изумительной ловкостью действовал холодным. Нож, подобранное в траве копье... Не такое уж это чудище неуязвимое! Ну, где же оно, где?

Может быть, зря все? Может, раненый монстр давно убрался, нырнув в вентиляционную шахту? О, нет! Нет. Альд чувствовал – чудище где-то здесь, рядом. Притаилось. Раненое, разъяренное, жаждущее отомстить.

Эльда же шла себе спокойненько, словно на прогулке. Вот уже вышла на Эспланаду, на асфальт, подошла к телефону, трубку сняла…

Ощущивший опасность Альд напрягся, почувствовав над головой некое едва уловимое движение… Словно бы пробежало по небу легкое облачко… тень…

Тень! Тени на потолке!

– Эльда-а-а…

Монстр упал прямо с неба. Соскользнул разлапистой кляксой, навалился на девушку во всем своем гибельном безобразии, схватил. Автоматный ствол тотчас обвили щупальца, распахнулась усеянная зубами пасть…

– Эля, пригнись!

Альд метнул копье. Девушка поспешно пригнулась. Не успей она это сделать – острый стальной наконечник вошел бы ей точно в лоб, а так…

Войдя чудовищу в пасть, копье пошло дальше, в череп, пронзив чудовищу мозг!

Тварь дернулась и тут же обмякла, повалилась, растеклась по асфальту, исходя желтовато-гнойной кровью.

Высокородная поспешила освободилась от шупалец, и, обняв Альда, крепко поцеловала его в губы. Поцеловала и вдруг заплакала, зарыдала…

– Ну, что ты, что ты, милая, – молодой человек нежно гладил девушку по плечам. – Перестань, все ж уже кончилось. Давай-ка лучше посмотрим трофеи, ага…

Трофеи рассмотреть не успели. Двери лифта вдруг распахнулись, отъехали в стороны, и на Эспланаде Два показались шестеро Мудрейших во главе с высокородным Николаусом все в той же пижонской фуражке. Все четверо были вооружены автоматами Калашникова.

Решительно послав высокородных прочесать парк, Николаус с нескрываемым любопытством осмотрел убитое чудище.

– Что это за тварь, высокородный? – забыв про чины и звания, вполголоса поинтересовался Альд.

– Потолочник, – столь же тихо отозвался Мудрейший. – Искусственные биоконструкции-убийцы, разработанные еще до Последней Войны для подземных операций в тоннелях. Умеют становиться невидимыми, правда, в таком случае их выдают тени на потолке.

– Военные технологии древних, – задумчиво прошептал юноша. – Ох уж эти древние. Каких только монстров они не изобрели! Сволочи – одно слово.

– Сволочи, – высокородный Николаус согласился с Альдом, словно с равным. – Самое главное, они… и мы тоже… не уберегли мир. Развязали Последнюю Войну. И каждая из сторон была готова идти до конца, считая войну справедливой. Герои…

Мудрейший гнусно выругался и, сплюнув, осведомился о потерях.

– Трое патрульных убиты, высокородный Николаус! – придя в себя, Эльда доложила вполне браво. Однако, голос ее дрожал.

– Ага, ага, – Мудрейший принялся рассматривать саблю. – Стало быть, это вы вдвоеем с ним справились?

– Угу… Альд… гомункулус Альд действовал геройски…

– Молодец, – высокородный Николаус неожиданно улыбнулся и протянул опешившему парню клинок. – На вот тебе саблю. Владей! Можешь брать в патруль и хранить в казарме. Да! Вы оба – свободны от караула. Иди, высокородная, отдыхай. И ты, мун, тоже.

– Я бы хотела заглянуть в теплицу, высокородный Николаус. Кое-что забрать. Этот мун мог бы помочь мне донести…

– Хорошо. Поступай, как знаешь.

Лифт. Минус третий уровень. Тускло освещенная теплица.

– Здесь есть вода... Можешь вымыться... Ну, раздевайся же! Ну... и я... я тоже...

Альд покорно сбросил куртку и обернулся...

Эльда стояла перед ним в одних шортах, худенькая, невероятно красивая, с бледным лицом и горящим взором. Упругая грудь ее волнующе вздымалась...

– Обними меня... крепче... Теперь – поцелуй... целуй же...

Юноша не заставил себя упрашивать... затянутый этими волшебными голубыми очами, бросившись с головой в томительно прекрасный омут любви, неги и страсти. Единственное, о чем он желал сейчас, чтобы эта ночь длилась вечно, чтобы все, что происходило сейчас между ними, никогда-никогда не кончалось...

– Эля... милая Эля...

– Аль...

* * *

Высокородная Навия впервые в жизни избила раба. Молодого совсем – лет четырнадцати – муна. Не то, чтобы избила – просто отхлестала от души по щекам, до слез, за какую-то мелкую провинность. То ли мун был слишком неповоротлив, то ли, наоборот, проявил излишнее рвение, из тех, что граничат с наглостью – не важно. Вовсе не в этом конкретном пареньке было дело, а в самой Навии.

Чем дальше, тем больше Мудрейшая видела все, что происходило между Эльдой и Альдом. На ее глазах зарождалась любовь. Да что там зарождалась – прогрессировала во всю! Ревность поедала высокородную изнутри, выгрызая кусок за куском. Из сердца, из души... а казалось – из тела. Когда Мудрейшая Навия видела вдвоем Эльду и Альда, она не находила себе места, срывая злобу на любом, кто попадался под руку. Умная, красивая, следящая за собой женщина, никак не выгляделвшая на свои двести с лишним лет. Скорее уж – на тридцать пять – сорок.

Как-то раз она попыталась бороться. Совершенно по-глупому, чисто по-женски. Когда юноша явился в оранжерею, выпроводила всех, приглушила свет... Оставалось лишь придумать какую-нибудь глупость, схватить синеглазого красавца-муна в объятия, целовать, долго и страстно...

Навия не решилась. Слишком уж все это наивно. Да, может быть, она и соблазнит неопытного юнца, но вряд ли от этого тот перестанет любить свою пассию. Да, переспит с ней, быть может, и не раз. Но – на этом и все. Эльда куда моложе и, что уж греха таить – красивей. Эльда и Альд. Высокородная и раб, мун. Такая вот непостижимая любовь. И чувства обоих, похоже, взаимны. Да, да, взаимны! Достаточно видеть, как они смотрят друг на друга, как общаются, как...

Уничтожить! Уничтожить эту гнусную голубоглазую тварь! Доложить о ней Совету... Но... и что дальше? Эльда – не обычная девка. Помесь, гибрид, надежда всех высокородных. Да, именно так – надежда.

Эльда – единственная в своем роде, объект для наблюдения. Многие из Мудрейших понимали, что эликсир молодости несовершенен. При молодом теле стареет мозг, через две-три лет у многих он начинает отказывать вплоть до полной атрофии. Потому так нужна свежая кровь. Если тайный эксперимент с Эльдой увенчается успехом, дальше можно штамповывать нацию совершенных людей по принципу Мудрейший плюс раб равно суперчеловек. Именно поэтому Эльду не настигла выбраковка, как остальных, ей подобных.

Эксперимент проводился в строжайшей тайне, ибо шел в разрез с законами общины. В нем был замешан и сам высокородный Дорм – гены выращенной в пробирке Эльды – это и его гены тоже, плюс биоматериал женщины-рабыни. Навия и сама участвовала в опытах. Поначалу в качестве подопытной, затем – и как лаборант, ученый. Высокородный Дорм отдавал должное ее уму и таланту, сама же Навия давно научилась скрывать свои истинные чувства. Она должна была пристально наблюдать за Эльдой, опекать ее... Удар по голубоглазой сопернице означал бы удар по самой себе. Вовремя не доложила. Не уберегла. Разочарование Мудрейшего Дорма в большинстве случаев означало смерть. Смерть не простую – опять же, во благо науки. Мудрейшим было что терять.

Эльду, конечно, так просто не возьмешь, но вот Альда. Муну не простят связь с Мудрейшими, подвергнут выбраковке тотчас же.

И что дальше? Навия лишится не только объекта своих вожделений, но и орудия мести, столь тщательно обучаемого, лелеемого... Что же, путь эта высокородная сволочь Дорма процветает и дальше? Надменный, уверенный в своей силе.

Что же делать, что делать? Высокородная Навия обхватила голову руками. Как говорили в старину – куда ни кинь, всюду клин. Патовая ситуация. Тупик. Именно так и получается.

А что, если у них будет ребенок? Интересно, заложена ли в Эльду способность родить? В качестве эксперимента – интересно бы глянуть. Только взять другого подопытного, не Альда. А что, если предложить эту идею Дорму? Высокородный вполне сможет оценить ее и даже выдать за свою. Легко, как он проделывал это и раньше! Мол, один я тут такой умный, а вы все так, шлак.

* * *

– Что ты говоришь, мун? Правильно ли я тебя понял? А ну-ка, повтори все еще разок.

Арсий, туповатый круглоголовый раб из четвертого отряда, поспешно закивал:

– Да, да, так все и было, Мудрейший. Я видел, как Касп внимательно рассматривал... ну, ту штуку. Которую вы назвали книгой, высокородный Александр.

– Ну, что ты мелешь? Откуда у муна – книга? – Мудрейший все же не слишком доверял доносчику. – Ему даже и украсть ее негде. Да и не зачем. Что этот... как его...

– Касп, ваше высокородство!

– Да, Касп. Он что же, умеет читать? Или он просто смотрел картинки. От скуки. Любопытства ради.

– Я... я не знаю высокородный. Не смог подобраться ближе. Этот Касп... он такой хитрый. Себе на уме. Я видел недавно, как он общался с Мудрейшим.

– Как общался?

– Подавал ему ключи.

– Какие еще ключи? – Александр устало вздохнул и шмыгнул носом. – От чего? От казармы, теплицы, оранжереи?

– Не-е, – расплылся в улыбке мун. – Те ключи, которыми чинят разные штуки. Ну, трубы там... еще кое-что... многое...

– Ладно, ступай пока, Арсий, – немного подумав, Мудрейший махнул рукой. – С этим Каспом мы разберемся. Но ты никому ничего не рассказывай! Вообще, не болтай.

– Я понимаю...

– Ступай.

Проводив муна взглядом, высокородный Александр выждал некоторое время и тоже покинул склад. Время шло к обеду. Уже прозвала сирена, и стройные колонны работников-мунов потянулись к лифтам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.